

Марина и Маргарита Посоховы

*Петербург —
город
маленький*

серия «Трианон-мозаика»

Марина Посохова

**Петербург – город маленький.
Серия «Трианон-мозаика»**

«Издательские решения»

Посохова М.

Петербург – город маленький. Серия «Трианон-мозаика» /
М. Посохова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507339-6

С чего бы не началось — с глав неоконченного романа о временах Павла I или с удивительной находки посреди полного тайн Петербурга — жизнь героини преобразается до неузнаваемости. И не всегда можно понять, где проходит граница между реальностью и вымыслом... Одно из значений слова «трианон» — трижды тайный, трижды неизвестный. События рассыпаны на мелкие осколки, и зачастую герои, даже находясь в центре действия, не могут охватить всю картину происходящего. Тайна открывается лишь читателю.

ISBN 978-5-00-507339-6

© Посохова М.
© Издательские решения

Содержание

Introductio (вступление)	6
Глава первая <i>Adagio sostenuto</i> (спокойно, сдержанно)	7
Глава вторая <i>Andante cantabile</i> (не спеша, певуче)	14
Глава третья <i>Animato poi misterioso</i> (одушевляясь, затем таинственно)	27
Глава четвертая <i>Agile allargando</i> (бегло, проворно, затем успокаиваясь)	37
Глава пятая <i>Attacca poi moderato assai</i> (сразу, без перерыва, затем успокаиваясь)	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Петербург – город маленький Серия «Трианон-мозаика»

**Марина Посохова
Маргарита Посохова**

© Марина Посохова, 2019

© Маргарита Посохова, 2019

ISBN 978-5-0050-7339-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Introductio (вступление)

По весеннему небу легко и неторопливо плыли белые облака. Высокий старик смотрел на них через приоткрытое окно. Молодой человек, сидящий за компьютером, терпеливо ждал. Он привык к тому, что его старый собеседник часто замолкал. Вот и сейчас старик замер у окна, разглядывая старинный собор, туристов с фотоаппаратами на вымощенной камнем площади и облака над высоким куполом церкви. Зазвучал мелодичный перезвон башенных часов, и стало ясно, чего, собственно, старик ждал – вот этого нежного, тающего, безмятежного звука.

Раздался глуховатый, но звучный голос:

– Итак... Ты говоришь, что с тремя ветрами всё ясно... А четвертый?

Молодой человек склонил гладко причесанную голову в знак внимания, но глаз не поднял. Старик сделал несколько шагов к столу, за которым сидел молодой. Наклонившись, посмотрел на монитор компьютера, скептически поморщился.

– Покажи мне на бумаге.

Молодой подал тонкую папку со стандартными белыми листами, почтительно приподнявшись с вращающегося стула. Старик с папкой в руках вернулся к окну, вытянул руку далеко перед собой, пристально взгляделся в текст. Молодой безмолвно наблюдал за ним. Они были похожи друг на друга, оба высокие, широкоплечие, но похожи не как родственники, а как балетные танцоры или спортсмены одного вида спорта. Двигались они оба легко, только легкость эта была разная: молодой экономно – точно перемещался в пространстве, а старик производил впечатление невесомого манекена из металлической сетки, каких некоторое время назад дизайнеры любили выставлять в витринах дорогих магазинов.

Старик пробежал глазами распечатанный текст, слегка шуря светлые, потерявшие прежний цвет глаза. Морщины на его лице привычно собирались и на висках, и по сторонам широкого рта, складывая ироничную, но добродушную усмешку.

– Итак... – повторил он задумчиво. – У четвертого ветра нет ясности давно. Наследование шло не по правилам, последние поколения не имели ни должных связей, ни полной информации. Придется вмешаться. Верно? – Он повернулся в сторону молодого человека.

– По какой схеме прикажете активизировать? – у молодого оказался негромкий голос с четким выговором.

– Мне понравилась та, что была в прошлый раз, с тем, вторым ветром... Давай не станем мудрить, повторим, как тогда, только детали на твое усмотрение. Ты лучше меня в этом разбираешься.

Пальцы молодого человека забегали по клавиатуре, и некоторое время в комнате было тихо, только шуршали от легкого ветра старомодные кружевные гардины и пощелкивали клавиши компьютера. Потом вновь послышался мелодичный перезвон башенных часов, отмеряющих четверти часа.

Глава первая *Adagio sostenuto* (спокойно, сдержанно)

«Колеса перестали громыхать по булыжной мостовой. Стало тише, и девушка, вжавшаяся в стеганую обивку в углу кареты, услышала другой звук, ритмичный и очень тревожный. Она не сразу поняла, что это стук ее сердца, отдающийся дрожью во всем теле. Пытаясь успокоиться, она поднесла руку к ожерелью на шее, потрогала браслеты на запястьях, потом сцедила холодные пальцы на коленях. Не помогло – колени тоже дрожали. Руки снова потянулись к шее, где в полутьме мягко светились три ряда крупных жемчужин, пересыпанных драгоценными камнями. Пожалуй, с этого ожерелья всё и началось.

Прежнее существование было просто и понятно, может быть, и скучно, но не было в нем ничего опасного. Но за последние месяцы много произошло такого, что изменило немудреную и устоявшуюся жизнь всей семьи. Жили они – батюшка с матушкой да две сестры – в крохотном именье под Белгородом, невеликая семья да всего три человека дворни. Батюшку, впрочем, видели нечасто, он имел майорский чин, служил в пехотном полку, воевал и при императоре Петре третьем, и при покойной матушке Екатерине, бывал и в Европах, и на турецкой войне. Жалованье имел скудное, а при двух девках на выданье и вовсе недостаточное.

Но никогда на судьбу ни сам не жаловался, ни супруге своей не позволял. Говаривал не раз: «Мой отец и вовсе однодворцем был, а я до майорского чина дослужился, потомственным дворянином стал, брат мой до полковника дорос. Чего же мне Бога гневить?» Что правда, то правда, но иные недоросли дворянские с пеленок такой чин имеют.

Деток Господь супругам дал семерых, но дожили до взрослости трое – сынок Тимофей, в честь деда названный, да две дочери-погодки: Ираида и Зинаида. Сын, к великому горю родительскому и сестринскому, недавно помер в Новороссии от лихорадки, которая в тот год косила новых поселенцев нещадно. А дочери давно уж заневестились, в весьма зрелых годах находились, старшей, Ираиде, уж двадцатый год пошел, шутка ли! Матушка Дарья Петровна об эту пору троих деток имела, хоть не сильно рано замуж родители отдали. А тут две девки подряд женихов не имеют. Да и то сказать, откуда бы им взяться, женихам-то? Места тихие, глухие, не торговые, не проезжие. Соседи, мелкопоместные служилые дворянчики, все одного поля ягода – как сынки подрастают, скорей на государеву службу, чего дома зря харчи родительские истреблять? Местность долго оставалась особая, приграничная, люди селились всё больше по военной необходимости. Выделялись земли под проживание и кормление военному сословию, так и составлялись целые села, где все были или Пушкарские, или Стрельцовы, или Посоховы. Земля тучная, черноземная, но жизни спокойной столетиями не было, еще первый Петр пытался южную границу отодвинуть подальше, но непросто оказалось с самой Турцией тягаться. Так что не до хозяйства было здешним жителям, больше на службу надеялись. А как появится какой молодой инвалид, что не против семьей обзавестись, так разве пробиться через целый рой подросших невест? Приданого-то кот наплакал, всё перины да подушки, а чего поценнее, землицы или чистых денег, где же взять? А что хороши собой сестрицы, так в этом какая особость? Приглядных девок на Руси, что грибов после дождя.

Так и жили бы, да послал Господь большие перемены. Скончалась матушка императрица Екатерина, и взошел на престол сын ее, император Павел. Много шуму восшествие его наделало, чисто мести начала новая метла. Даже до глухих мест стали доходить слухи о том, что такую-то знатную особу всего лишили и в Сибирь отправили, таких-то разжаловали и именья в казну отобрали. Всё местное начальство сменили, а пуще всего порядки в армии наводить стали. Император-то, говорят, долго матерью к власти не подпускаем был, вот и занимался истово своими гатчинскими войсками, и порядок ценил превыше всего. Рассказывали, что мог он самолично остановить на улице раздетого офицера, в дорогую шубу закутанного и с руками, в меховую муфту продетыми, и, ежели при нем шпаги не было (а как ее пристро-

ишь – поверх шубы не налезает, а из-под нее топорщится), то разжаловал в солдаты тут же, одним своим словом. А солдата, несшего шпагу, в офицеры производил. Так что не только карал государь, но и миловал. Уж и не знали, что и думать, когда батюшку Сергея Тимофеевича в Петербург вызвали. Служил он честно, но за долгие годы мало ли какие провинности могли накопиться, и еще важно, как там всё в бумагах у начальства записано. С тяжелым сердцем ехал майор Потурин в столицу, летел на казенных, поспешал. Немало нагляделся, пока на постоянных дворах свежих лошадей дожидаться приходилось. Казалось ему, будто вся Россия с места стронулась и к столице потянулась, такое столпотворение на всех перегонах наблюдалось. И чем ближе к столице, тем гуще на дорогах и повозок, и верховых, ехали и на перекладных, и на долгих. Иной раз такие вельможи на станционных смотрителей кулаком замахивались, а что толку, коли нет лошадей, все в разгоне. Того и гляди, падать от усталости начнут. Невдомек ведь им, тварям бессловесным, что такое государственная спешная надобность. Приехал Сергей Тимофеевич в военную канцелярию, еле-еле с дороги почистился и мундир передел. Ждал в приемной, ни жив, ни мертв. А тут еще перед ним генерал от инфантерии из кабинета вышел – лица на нем нет, парик на сторону съехал, сам багровый, челюсть трясется – того и гляди, Кондратий хватит. К нему кинулись с расспросами, в бумагу, в руках зажатую, заглядывают, а он только рукой махнул и побрел, шатаясь, вон. Сердце у Сергея Тимофеевича застучало так, как перед атакой не стучало. Выпрямился он из последних сил и в кабинет начальственный вступил. Ничего кругом себя не видел, на какие-то вопросы отвечал, словно автомат на пружинах. Взял протянутую бумагу, воротился в приемную и там только прочитал, что произведен он в следующий чин, за дело на Кубани, еще до Кючук – Кайнарджийского мира. Дальше – больше. На другой день снова был зван нарочным к военному начальству, орден ему вручили и в бригады произвели. А на третий день в генеральское звание был пожалован, да с выплатой причитающегося жалования за все прошлые годы. Вот так! Отпущен был домой на малый срок с приказанием явиться на новое место службы, в Москву.

Ах, какая жизнь после этого началась! Приехал батюшка веселый, с подарками для всех домашних. Спешно стали собираться, а пуще того – решать, как быть: то ли здесь, на родине, прикупить землицы, то ли уж сразу подмосковную деревню присматривать. Даже девиц к обсуждению допустили, рассудив, что заодно и вопрос о приданом можно с места стронуть. Ежели не одно большое имение покупать, а несколько поменьше, так и делить со временем не придется. А покамест написали дядюшке, Степану Тимофеевичу, на полковничье жалование уже лет десять тому назад купившему деревеньку в Московской губернии, что у него останутся. Ну, собирались недолго, особо и нечего было складывать, и в дорогу пустились.

У дядюшки приняли радушно, разместились, как смогли. А тут новая напасть – из Москвы пришла весть, что государь император Павел Петрович прибывает в первопрестольную. Помимо прочих обязательных встреч, желает его величество увидеть тех, кого облагодетельствовал. Да не одних, а с чадами и домочадцами. Что тут началось! Матушка Дарья Петровна руками замахала, чуть в слезы не ударилась, дескать, ни за что не поедет – и сама осрамится, и родных осрамит. Решено было взять с собой девиц, им по молодости и незамужнему положению все равно рта никто открывать не позволит, а с лица обе пригожи, и статью Бог не обидел. И еще – вслух этого никто не произнес, но подумали об этом все – показать сестриц надо, когда же лучше-то, как не при монаршей к отцу милости? А глядишь, поближе к трону женихи получше соберутся, позавидней.

Началась кутерьма со сборами; перво-наперво выяснилось, что домашний портной с парадными дамскими нарядами никогда дела не имел, в нынешних модах не разбирается и дорогих тканей в глаза не видывал. Пришлось привозить из Москвы вертлявого нерусского портного, за огромные деньжищи наняли, еле-еле уговорили, чтобы подмастерьев не брал, а согласился на помощь дворовых девок и того самого домашнего портного. А вот на материях денежки побережь не удалось, и так-то были дороги, а тут и вовсе цены до небес взлетели:

заказчики, какие побогаче, скупали парчи – бархаты целыми штуками, чтобы не случилось конфуза, вдруг у кого из гостей окажется платье из той же самой ткани. Купцы и нос воротили, если покупатель желал на аршины мерить. Но все же платья для сестер были пошиты и в их спальне под простынями висели. С куафюрами девицы придумали обойтись без расходов: двоюродная сестрица, Глафира, в Москве бывала и как нынче волосья модно укладывать, видела – у молодых девок глаз на такие штуки востёр. И ничего там особо хитрого не было, на греческий манер проще, чем по старой моде, когда из волос целые колокольни сооружали. Надобно только щипцами кудри подвить, да назади закрепить. У Степана Тимофеевича в кабинете стояли часы с литыми фигурками в виде наяд, сами-то они были в чем мать родила, а прически красивые, и со всех сторон видны. Глафира рассказывала, что иным дамам и девицам для пышности еще чужие покупные волосья приплетают, но тут тоже экономия вышла – у обеих сестер свои косы на диво хороши да густы были. Горничная девка загодя те греческие кудри на головах у Ираиды с Зинаидой опробовала, вышло не хуже, чем у наяд.

Вот с такой-то греческой головкой Зинаида по лугу перед домом босая набегалась, богиню из себя изображая, а сыро было, весна еще только-только наступила, платье до колен намокло. А наутро у бедной девицы губы простудой обметало, да как сильно! И пришлось Ираиде одной с отцом ехать в Москву. Приехали загодя, перед дворцом, где государь изволил принимать благодетельствованных подданных, поистине вавилонское столпотворение наблюдалось. Пока пришло время царственным особам подъехать, настоялись отец с дочерью в густой толпе, едва ноги им не отдавили. Все норовили вперед подлезть, никто и не думал прекрасный пол пропускать. Не только батюшка пот с покрасневшего лица вытирал, другие тоже – вначале тайком, а потом уж в открытую, кое-кто и парик с головы сдергивал, не таясь лысину промокал. Дамы и девицы тоже не слишком вежливо толкались, без церемоний чужие наряды и уборы разглядывая. Ираиде особенно не понравилась одна разодетая барынька в невиданно высоком воротнике, не спускавшая прищуренных глазок с них с батюшкой. Барынька всё нашептывала, вывернув голову назад, другой даме, постарше, что-то не совсем лестное в их с батюшкой сторону. От долгого стояния и духоты ей почудилось, что голоса окружающих слились в надоедливый гул, а лица все стали казаться на один манер.

Оттого Ираида и пропустила момент, когда неожиданно гул голосов стих и людскую толпу уверенно разрезали надвое рослые, спокойные, в очень красивой форме, молодые люди, ставшие по бокам образовавшегося прохода. Величественный старик с каким-то не то орденом, не то знаком на широкой цепи, ударил об пол тяжелым посохом и прокричал в гулкой тишине что-то неразборчиво – длинное зычным голосом. Ираида с отцом оказались прямо перед очищенной ковровой дорожкой, по которой не торопясь двигались десятка полтора человек, и мужского, и женского пола. Ираида боялась даже дышать, не то, что разглядывать идущих, только краем глаза могла уловить какое-то сияние, исходившее от невиданно роскошных мундиров кавалеров и украшений у дам. Процессия двигалась медленно, маленький человек, идущий впереди всех, часто останавливался, протягивал руку, произносил негромко несколько слов и выслушивал ответное бормотанье. Словно медленная волна, склонялись в поклоне спины и долго не разгибались после того, как миновали их важно ступающие особы.

Наконец сияние оказалось совсем рядом с девушкой. Она присела в глубоком реверансе, как учили ее тетушка и сестры, по-прежнему не поднимая глаз. В тишине стал слышен шепот человека с бумагами в руках. Оказывается, он следовал за маленьким человеком в высоких ботфортах, идущим впереди всех. Ираида с трудом различила обрывки слов: «Пожалованный в генералы... Очков... орден... степени...» Девушка, неожиданно для самой себя, подняла голову и оказалась глаза в глаза с тем, кому нашептывал сведения из длинного списка чиновник с внимательным, памятливым взглядом. Ираида немедленно залилась краской, мучительно, до слез, и поспешно склонилась еще ниже, готова была провалиться сквозь землю. Сиятельная группа миновала. Рядом стоящие потихоньку выпрямляли спины, повертывая голову вслед

ушедшим, во все глаза следя за дальнейшим ходом церемонии. Ираида тоже слегка перевела дух и уже могла заметить, что дамы перед государем вовсе не так мешаются, как она, приседают бойко, и даже успевают лукаво стрельнуть глазками из-под опущенных век. А та самая молоденькая дама в высоченном воротнике даже удостоилась каких-то слов, и ответила, нимало не смущаясь. Ираида окончательно повесила голову, и ее больше не занимали ни окончание церемонии, ни вид роскошнейших зал, куда двинулась застоявшаяся толпа приглашенных. Она не могла дожидаться, когда, наконец, закончатся поздравления, когда батюшка перестанет угощаться подносимыми ливрейными лакеями в белых чулках напитками и закусками. Сама она так и продержала в руках стакан на высокой тонкой ножке с каким-то пузырящимся напитком, но не решилась пригубить его – руки ее были затянuty в тугие атласные перчатки выше локтя, весьма скользкие, так что Ираида боялась даже шевельнуться, чтобы еще больше не оконфузиться. Только уже устроившись в повозке, она позволила себе наконец выдохнуть, и всю дорогу провздыхала, уронив голову на плечо мирно посапывающего батюшки.

Дома никто не спал, с волнением ожидая возвращения счастливцев, обрушив на них бурю вопросов и восклицаний. Сергей Тимофеевич приосанился, повеселел, охотно делаясь впечатлениями, не отказался и от плотного ужина, и от вкуснейших наливочек домашнего приготовления. Он, против всегдaшнего обыкновения, балагурил и сыпал подробностями, но и этого казалось мало изголодавшимся по новостям домочадцам. Ираида была ему благодарна за то, что он взял на себя приятный труд описывать длинный знаменательный день, и, при первой же возможности, улизнула в их с сестрой спальню. Там она разделась, распустила свою греческую куафюру, отпустила горничную девушку, и, когда пришла сестрица Зинаида, притворилась спящей. Но сон не шел к ней всю ночь. Под предутреннее пение птиц, тихое шуршание занавески на приоткрытом окне, перед глазами снова проходили яркие, как наяву, картины прошедшего дня. Особенно четко и мучительно вспоминалось лицо государя, и, как и тогда, ее лицо заливалось румянцем. Он был вовсе не так молод и хорош, как на портретах. Уже после церемонии, стоя с тем самым скользким стаканом в затянутых перчатках пальцах, она не сводила глаз с парадного портрета. Там государь был и моложе, и представительнее, глядел победительно, и даже огромные ботфорты смотрелись на нем ловко и щегольски.

Ираида сначала жарко корила себя за неловкость, как будто видела себя со стороны ехидными глазами той бойкой барыньки в воротнике. Пуще всего было стыдно за свое пылающее невольным румянцем лицо; одно дело, когда, как в романах описывают, «ланины словно покрылись нежнейшим отблеском зари, подобно розовым перстам богини Эос», а другое дело, будто девка деревенская под коромыслом покраснелась. И ведь ничего исправить нельзя!

Поутру вышла она неразговорчивая, пасмурная, на все расспросы отвечала неохотно, односложно. Только к вечеру начала отходить, отгаивать, улыбаться нехитрым шуткам дядюшки, дескать, «не иначе запал на сердце какой-нибудь бравый гвардеец, вот и грустна племянница!» Известное дело, как с девицами шутят, все об одном и том же. А уже перед закатом подкатил к скромному полковничьему домишке богатый экипаж, и не торопясь вышел из него чернобровый, носатый господин несколько нерусского вида, неброско, но дорого одетый. Оглядел внимательно всех, кто на крыльцо высыпал – и хозяев, и дворню, что поодаль теснилась, нашел глазами братьев Потуриных и не спеша склонил голову в ответном поклоне. Сказал негромко, веско: «По поручению его императорского величества!» И, уже проходя вслед за кланяющимися хозяевами, отыскал взглядом Ираиду. Она снова зарделась, ничего поделать с собой не смогла, растерялась донельзя – снова конфуз, в простеньком светлом холстинковом платьишке, волосы еще в давешней завивке, но растрепались, абы как лентой подвязаны – собрались с сестрами перед вечерней зорькой прогуляться в огородец мяты да душицы нарвать для вечернего декокта.

Вышел важный гость довольно скоро, от ужина отказался, но простился со всеми любезно, и особо поклонился Ираиде, снова пристально на нее взглянул. Едва только скрылась

за поворотом гостевая карета, бросились все с распросом к братьям. Гляделись они озадаченно, но не расстроено. Поведали, что побывал у них сам Иван Павлович Кутайсов, государев любимец и доверенный друг, вместе с императором воспитанный. А приезжал он передать приглашение Сергею Тимофеевичу снова прибыть в Москву на какой-то прием, благо, церемоний и праздников в ту пору в первопрестольной было не счесть, и пригласительную бумагу привез. И было в той грамотке на невиданно гладкой и белоснежной бумаге красивейшим почерком тончайше выведено: «и с дочерью». Зинаида обрадовалась, что теперь ее черед настал, но батюшка покачал головой: «На словах его сиятельство твердо указал, чтобы снова Ираида была».

Поманил рукой старшую дочь за собой, и в кабинете у дядюшки подал ей огромных размеров книгу в роскошном переплете и сафьяновый футляр, тяжеленький и чудесно гладкий. Девушка растерянно держала их в руках, не зная, что делать с ними дальше. Отец вздохнул и показал на письменный стол, крытый потертым сукном: «Положи... Погляди, что там»...

Ираида двумя руками раскрыла книгу, она развернулась не в начале, а где-то посередине, на чудной красоты картинке: рыцарь в латах, с белым пером на шлеме, стал на одно колено, склонившись перед дамой в диковинном высоком, остроконечном колпачке с развевающейся прозрачной вуалью. На следующих страницах снова были рыцари на лошадях, тоже закованных в латы, замки, гербы на щитах, трубящие герольды...

Спохватившись, она оглянулась на отца. Он по-прежнему стоял и молча следил за ней. Потом отвел глаза в сторону и подсказал: «Футляр открой»...

Ираида, не сразу справившись с замочком, откинула приятную на ощупь крышку и не смогла сдержать вздох восхищения. В неярком свете уходящего дня с белого атласа, коим был выслан ларчик изнутри, мягко светились крупные жемчужины, пересыпанные небольшими, рассыпающимися разноцветные искры камушками. «На большие приемы, сказано, не положено без драгоценных уборов являться, порядок такой»...

Не помня себя, вышла она из кабинета, неся с собой книгу – императорский подарок. Сестры, родная и двоюродная, засыпали вопросами, но вскоре отстали, помчались к отцу и дядюшке подробности выспрашивать. А она сидела перед волшебной книгой, и было ей грустно и чего-то боязно. Но в ту ночь спалось ей крепко, и снились удивительные сны – рыцари на конях, с мечами, с длинными копьями, неслись, словно по воздуху, развевались знамена, перья и конские попоны.

Вот и пригодилось второе парадное платье, сшитое для Зинаиды – в надеванном негоже было являться ко двору. За три следующих недели не то шесть, не то семь раз званы были отец с дочерью в Москву. Откуда-то взялись деньги и на портного, и даже на покупку лошадей, рослых и холеных. Ираиде не стало покоя от сторонних взглядов, и так от всех этих поездок уставала, а тут гости повадились ездить в дядюшкину деревеньку, целыми семействами, и ближние, и дальние. Все вроде бы по делу, но что-то дел в таком количестве раньше не наблюдалось. Даже как-то сам дядюшка, Степан Тимофеевич, привез из Москвы молодого барина, вроде бы повстречал земляка. Гость, в отличие от других, в доме задержался. Был он на диво хорош собой, высокий, статный, смуглый, черноусый. Всей женской половине он глянулся до чрезвычайности, только Ираида его дичилась. Зато даже кузина Глафира, как было велено по новой моде двоюродную сестру называть, глазки молодому гостю строила, невзирая на то, что у ней жених имелся, сын одного из соседей. Что жених-то, он в отъезде, новый император всех недорослей приказал к делу приставить, когда здесь такой красавец объявился! А еще завлекательней, что этакой кавалер еще и граф, звучит-то как: Вацлав Феликсович Нежегольский!

Но никто такими восторженными глазами на графа не смотрел, как Зинаида. Куда подевалось уныние, в которое, надо признаться, впала она из-за того, что несчастные болячки на губах лишили ее возможности хоть одним глазком посмотреть на сильных мира сего. Пере-

стала она донимать расспросами старшую сестру, сама стала плохо спать и рассеяна сделалась до крайности.

Тем временем и другие перемены произошли: батюшке, Сергею Тимофеевичу, была назначена другая должность, и не где-нибудь, а в столице, в Санкт-Петербурге. Переезд совершился быстро, как все в последнее время. Жизнь веретеном завертелась, как матушка Дарья Петровна вздыхала, помогая дворовым девкам пожитки укладывать. Стала она и вовсе молчаливой, не нравилась ей эта суматошная жизнь. Дочери, и так взрослые, совсем отделились; старшая, как приедет со своих приемов, все в книжищу эту, будь она неладна, глядит, не наглядится. Младшая, напротив, шалая какая-то стала, глаза, как у кошки, огнем горят, скачет по дому, не присядет, ровно угорелый цыган по базару. И с мужем не поговоришь, как прежде, весь в делах, все второпях, с лица спал, совсем седой стал, и без пудры белый. А говорить есть о чем – для чего Ираидку по дворцам затаскали, зачем девке голову кружат, не по месту, не по рождению ей эти дворцы... И за младшую душа болит, Зинаидка глаз с этого графа не сводит, но радости в том нет, чужой он, непонятный. Ей-боженьки, раньше лучше жили, спокойней, яснее, а что денег теперь не в пример прежнему больше стало, тоже не в радость. Муж, Сергей Тимофеевич, скрытен стал, не твоего, говорит, ума дело. Потратим – еще будут, заслужил! А стороной слышно, что тем, кого государь должностями и орденами наградил, денежки придерживают, долго и со скрипом казна выделяет...

Таковыми думками занимала себя Дарья Петровна, пока приглядывала, как девки сундуки укладывают да узлы набивают. Вышло скарба меньше, чем при переезде из родных мест, муж велел много с собой не брать, дескать, там на месте новое купится. Радоваться бы, да тревожно, каково оно в этом Петербурге будет-то? Говорят, что летом там и ночи нет, зато зимой все время ночь, так и живут при свечах... Доведется ли еще на родину вернуться, или так и придется в чужую землю ложиться? Кажись, едет опять кто-то, каждый день то гости, то посылные из Москвы, с покупками, с подарками, с письмами... Ох, что за жизнь пошла!

Ираида сама вышла на крыльцо, встретила курьера, взяла от него запечатанное сургучом письмо и корзиночку, обернутую белейшим тонким полотном, чтобы в дороге не запылилась. Кивнув, отпустила посланного, развязала салфетку на корзине, заглянула: виноград, крупный, прозрачный... А вчера был прислан деревянный ящичек со знаменитой белёвской яблочной пастилой, до сих пор еще много осталось, рядом с самоваром стоит. Помедлив, сломала печать с буквой «П» с короной наверху, прочла, задумалась. Написать ответ? Курьер сразу никогда не уезжает, ему еще коня напоить надо, и только потом присылает спросить, не будет ли ответа. Придвинула новехонький чернильный прибор, взяла перо и лист бумаги, осторожно стала выводить буквы – всего несколько слов, так лучше, она уже это знала. И ошибок меньше будет, и кляксу поставить не успеется со свежего пера. Раньше-то писать много не приходилось, хорошо хоть, что читать выучились с сестрой не по слогам, а скоренько. Только чтение и выручает теперь. После той, первой присланной книги, много их потом прибыло – вон, целый ряд на полке выстроился. И все про рыцарей, романы, стихи, и на русском, а еще больше на незнакомых языках, хорошо, что с картинками, посмотришь, имена разберешь на латинице – граф Вацлав Феликсович алфавит латинский записал – и тогда можно понять, о чем там. Но та, первая, почти все объясняла, ее интересно было без конца перелистывать.

Так и есть, прислал курьер дядюшкиного лакея спросить, будет ли ответ. Вот он ответ, готов уж. Свернула бумажный лист, накапала сургучом, придавила маленькой печаткой с буквой «И» в завитушках (тоже подарок), и отдала лакею. Подошла к окну, подождала, пока проедет посланный, проводила его глазами. Ничего не стало понятнее за прошедшие недели. Когда приехали с батюшкой во второй раз, и в третий, всё то же самое было – ожидание, стояние в толпе, какие-то люди читали речи, преподносили дары, получали ответные подарки. Трубили трубы, проходили красивые гвардейцы, иногда устраивались аллегорические шествия, значения которых она понять не могла, хоть и поясняли их тут же. Крылатая слава, трубящая

в рог, такой же рог, но огромный – это изобилие, какие-то нимфы, тут же Добродетель в белых одеждах, уродливые, с размалеванными рожами пороки... Толпа приглашенных стояла уже посвободнее, осмеливалась обмениваться впечатлениями. Кто-то даже хихикал, оглядываясь и прикрывая рукой рот. Государь проходил по залу на каждой церемонии, в мантии, диковинной короне, со множеством орденов на груди. Отыскивал взглядом Ираиду, она уже могла встретиться с ним глазами, но по-прежнему краска заливала щеки.

Таким же румянцем запылало ее лицо, когда она впервые получила письмо от государя, точнее, вежливую записку с вопросом – как понравилась ей книга о рыцарях? Ответ Ираида писала мучительно долго, изорвала кучу листов дорогой бумаги. Нашла вежливые слова благодарности, тем и ограничилась. Оказалось, так и надо было, это уж потом Иван Павлович Кутайсов батюшке передал – стал его сиятельство наезжать по два раза на неделе. Но не как обычный гость, к столу не оставался, закрывался с новоиспеченным генералом и о чем-то говорил в кабинете. Привозил и подарки, не от себя, от его величества, всегда вручал их отцу, а уж потом Сергей Тимофеевич показывал их дочери. Показав, прятал в железную шкатулку и запирал на ключ. Обычно это были драгоценные уборы, девушка уже знала, что без них обходиться нельзя.

Ираида встрепенулась, непонятливо огляделась – так задумалась, что и забыла, где находится. Снова затревожила темнота в карете, глухой перестук колес. В одной руке сжав шелковые перчатки, короткие, не бальные, другой рукой приподняла кожаную завеску на окне, попыталась взглянуть в сумерки. Кажется, лесная дорога, неширокая, ветки деревьев иногда цепляют по бокам кареты. Отпустила шторку – все равно не знает местности, понятно лишь, что едут уже довольно долго. Звук колес изменился, стал звонким, потом гулким. Неужели приехали? Сердце снова заколотилось, как пойманный птенчик».

Глава вторая *Andante cantabile* (не спеша, певуче)

– ……! ……!

С добрым утром! День начинается с воплей Многокарповны. Хоть и привычно, но всё равно неприятно. Тем более что это первый день моего отпуска. Я протянула руку и положила тонкую стопку белых листов на компьютерный стол рядом с диваном.

Пора прикинуть, что сегодня надо сделать и что может подождать. Во-первых, нужно зайти к Марьяне, занести эту главу – уже пару месяцев тяну, обещала прочесть и никак не находила времени. Заплатить наконец за интернет, иначе я совсем выпала из жизни из-за своей запары по работе. Если получится быстро, заеду к Фелиции, она тоже может помочь если не делом, то советом. Что там Многокарповна никак не затихнет?

Многокарповна – это моя соседка по коммуналке. Зовут ее Тамара Поликарповна, но с легкой руки моего приятеля Антона Беломестного я ее иначе не называю. Для тех, кто не живет в Петербурге, коммуналки скорее советская экзотика, но для меня суровая реальность, несмотря на то, что на дворе 2010 год, месяц июнь. Это означает только одно: я перестаю аккомпанировать на своей основной работе и перехожу на временную, потому что моих сбережений никак не может хватить до сентября. Ничего, мне не привыкать. Я с семнадцати лет живу автономно, мои родители давно имеют новые семьи, и я привыкла рассчитывать только на себя.

Однако, как сегодня Многокарповна расходилась! Ну-ка, кто у нас сегодня враги? Набор врагов, на которых имеет обыкновение обрушиваться моя импульсивная соседка, устоявшийся. Это наркоманы, ветераны-блокадники и приезжие всех мастей. Придется пояснить такой состав. Наркоманы – это те подозрительные личности, которые тусуются на черной лестнице нашего дома. Что поделаешь, станция метро «Спортивная» в двух шагах, приходится платить за такое преимущество. Многокарповна до смерти боится, что эти наркоманы непременно к ней ворвутся и убьют.

Номер два в списке кровных врагов – блокадники. Тут сложный сплав чувств, он касается биографии самой Многокарповны. Она происходит из старинной питерской семьи, родители были люди по тем временам обеспеченные, с техническим образованием. Когда в войну эвакуировались со своим предприятием, маленькую дочку взяли с собой. А вот когда сначала взрослым блокадникам, а потом и детям стали причитаться всякие льготы и дополнительные выплаты, моя соседка стала крыть их, не стесняясь в выражениях. Почему-то моя соседка получает крохотную пенсию, хотя, по ее рассказам, работала в военной промышленности, как и родители. Но после распада страны то ли не смогла, то ли из вредности не стала собирать кучу полагающихся бумаг. Пенсию ей назначили минимальную, и концы с концами она сводит с трудом.

Я сложила диван, и тогда стало возможным подойти к окну. Комната у меня очень маленькая, но в этом есть и преимущества – всё под рукой. Вид из окна так себе, но все же у нас не двор-колодец, и даже дерево есть у стены противоположного дома. А что не на улицу моя комната смотрит, так даже и лучше – шума меньше, потому что на наш Малый проспект по ночам дважды выливается поток застоявшихся машин, когда Тучков мост опускается. Почти все мосты разводятся один раз за ночь, а Тучков два, и дважды, стало быть, проносятся с ревом и автомобилями и, что еще хуже, мотоциклы. Хорошо, что питерское лето особой жарой не отличается, и окна на ночь открывать не обязательно.

– ……! Опять твой …… звонит!

Голос у Многокарповны как иерихонская труба. Не знаю точно, что это такое, кажется, из библии, но так мой папа говорит. Соседка въехала в нашу квартиру уже после того, как мои родители развелись, но ему приходилось с ней сталкиваться. Придется идти в коридор

к проводному телефону. Если это Антон Беломестный, которого я уже вспоминала сегодня, то он точно на мели. Похоже, снова вложил всю имеющуюся наличность в какой-нибудь бизнес-проект и опять с нулевым результатом.

– Привет, Туринова! Ты еще там не растолстела? Ты смотри, а то не женись на тебе, я толстых не люблю, ты знаешь!

Я молча выслушала эту тираду, потому что по немалому опыту общения знаю, что пытаться что-либо вставить в его словесные построения совершенно бесполезно. Антон из той породы людей, для которых продать песок в Сахаре – плевое дело. Этим он радикально отличается от меня. Антон фонтанирует идеями, и все они довольно толковые, но ни одна из них еще не принесла ощутимой материальной выгоды. Почему-то он для себя определил, что не создан для постепенного карьерного роста, а должен сразу найти такую золотую жилу, что у него будет все по самым высшим стандартам. У него должна быть своя фирма, причем очень крупная, дома по всему свету, яхты, ну, может еще собственный небоскреб.

– Я тебе на работу звонил, сказали, что ты в отпуске. Так, значит, и отпускные у тебя на целых два месяца имеются? Грех это, грех великий деньги держать без дела!

– Денег нет.

– Да ты ли это, Туринова? У тебя, у госпожи Коробочки, денег нет? Ты меня разочаровываешь! А меня нельзя разочаровывать, а то не женись!

– Не женись.

– Одно из двух – ты либо невообразимо изменилась, что невозможно, потому что ты константа, величина постоянная, либо денег в самом деле нет, что непонятно. Так не дашь?

Положил трубку. Настроения мне этот разговор не улучшил, но зато я могу быть довольна собой: учусь-таки отказывать, деньги у меня есть, но только очень мало. Вернувшись в комнату, подошла к зеркалу. Всё-таки ущипнул он меня за большое. Девушка я крупная, и ростом, и комплекцией всегда обгоняла своих сверстниц. А тут еще сумасшедшие последние недели перед отпуском, экзамены переводные, государственные. Хоть и не у меня самой, но на работе приходилось дневать и ночевать. Студенты ведь почти все где-то работают, занятия пропускают, а перед экзаменами появляются с девственно неготовой программой. Приходится входить в их бедственное положение, чтобы не отчислили, и репетировать с нуля. Готовить некогда, и постоянные набеги в кафе «Теремок» за вкусными, но жутко калорийными блинами с жирными начинками не могли остаться без последствий. А дома лишний раз не хотелось заходить в кухню, чтобы не сталкиваться с моей громогласной соседкой, и мои преступления перед организмом увеличивались с помощью пакета чипсов перед сном.

Проверить состояние моей фигуры с помощью одежды сложно – последние месяцы я ходила в просторных свитерах и брюках. Зеркало тоже не показатель, в разном настроении я оцениваю себя по-разному. Как быть?

О, вот что надо! Спасибо подруге Фелиции, затащила меня на рождественскую распродажу. Не знаю, где она добывает информацию, но тогда мы действительно попали на ликвидацию бутика «Версаче». Несколько лет их фирменная Медуза Горгона не то зазывала, не то отпугивала покупателей в изысканном флигеле Аничкова дворца, выходящем на Невский. Похоже, больше отпугивала, потому что Питер – не Москва, люди здесь предпочитают одеваться неброско, что называется, в стиле вареной мыши. Как, впрочем, и я.

Во всех этих распродажах есть один, но очень существенный минус – никогда не бывает подходящих размеров. Я прикупила себе двое джинсов – одни на размер больше, а другие, точно такие же, на размер меньше, чем мне было нужно. Свою покупку я с тех пор не примеряла. Зато теперь будет повод беспристрастно оценить результаты своей жизни. Других-то нет! Результатов! К двадцати пяти годам семьи нет, детей нет, перспектив заработать на отдельную квартиру пока тоже нет.

Доведя себя до нужного состояния, я рывком натянула первые из этой «сладкой парочки» штанов, дернула застежку-молнию и увидела в зеркале маску Пьеро: брови подскочили горестными уголками, а углы рта поехали вниз. Те джинсы, которые были мне великоваты, еле застегнулись. Я стянула с себя сразу ставшие ненавистными портки и приложила их к оставшемуся экземпляру в слабой надежде, что я перепутала и примерила те, что были меньше. Как бы не так! Те, что были меньше, таковыми и остались, а снятые издевательски сохраняли смутные очертания моей тушки. Туши!!

Я мазохистски-неторопливо сложила свои непутевые покупки обратно в пакет и присела на диван. Во всем нужно искать положительные стороны, как учит моя давняя подружка Фелиция, выпускница психологического факультета. И где тут хорошее, если штаны лопаются? Ну, можно принять как рабочий вариант версию, что теперь Антон на мне не женится. Я в этом случае уж точно ничего не потеряю. Если бы кто-нибудь меня спросил, кем мне приходится этот молодой человек, мне пришлось бы крепко задуматься. Просто знакомый – это неправда, у нас с ним есть какое-никакое прошлое. Бой-френд – тоже неверно, он появляется два-три раза в год и исчезает, когда ему вздумается, без всяких объяснений. Я давно уже пережила те времена, когда имела глупость надеяться, что все эти взрослые игры что-нибудь поменяют в моей жизни. Нет уж, хватит...

С чего это я раскисаю? Я себе такой роскоши позволить не могу, никакой Антон вместе с джинсами не может меня сбить с правильного пути. А путь мой лежит на коммунальную кухню, где я намерена истязать свою плоть овсянкой, в наказание за мою распущенность в еде и лень. Вот только под душ зайду.

Когда я, с мокрой головой, обмотанной полотенцем, закутанная в махровый халат, направилась к плите с пакетом овсяных хлопьев и кастрюлькой на длинной ручке, Многокарповна резко развернула свой могучий корпус в мою сторону:

– Ты чего это не на работе?

– У меня отпуск.

Соседка тяжело потопала к выходу из кухни, бурча под нос нечто нелестное в мой адрес. Ворчала она долго, и чем ближе к своей комнате и дальше от кухни, тем громче, как актриса на сцене, чтобы зрители даже на галерке могли все расслышать до мельчайших подробностей. А поскольку коридор в нашей коммуналке больше похож на каньон – такой же высокий и протяженный, то монолог вышел длинный и эмоционально насыщенный. Завершился он выразительным восклицанием:

– Баронесса, с гор спустилась!

А вот это уже интересно. Дело в том, что в моем паспорте в графе «место рождения» обозначен Ставропольский край. Оттуда родом мой отец, там жили бабушка и дедушка, и мне довелось родиться, когда родители приехали к ним в гости. Мама тогда только недавно ушла в декретный отпуск, скорых родов ничто не предвещало, но я не стала ждать положенных сроков и родилась, не предполагая, что это будет иметь какие-то последствия в виде сегодняшнего спектакля одного актера, точнее, актрисы. Справку о рождении родители получили там, на юге, и в паспорте у меня стоит, по мнению Многокарповны, позорное клеймо. И меня можно причислять к тем, кто «понаехали», стало быть, к врагам (смотри выше).

Помешивая овсянку, я прикидывала, что нужно подкупить из самых простых продуктов, потому что даже кашу завтра сварить не из чего. А еще купить подарок для Илоны, у нее на следующей неделе день рождения. Илонка – моя сестра, точнее, сестричка, она на семнадцать лет младше меня. Мне было лет десять, когда отец ушел от нас с мамой, и я еще долго надеялась, что он вернется. Квартиру с нами тогда делили две старушки, которые приглядывали за мной, когда мамы не было дома. Одна бабулька появлялась редко, куда-то всё время уезжала, а другую соседку я помню очень хорошо. Она представляла собой наиболее ценный образец питерских старушек. Никто лучше нее не знал, когда и где проходят самые интересные

выставки, концерты, фестивали, и это без всякого Интернета. У нее имелся едва ли не полный набор абонементов и в капеллу, и в филармонию, и во всяческие лектории, она умела раздобывать контрамарки почти во все театры, причем этим богатством она щедро делилась со своими знакомыми. Нам с мамой перепадало больше всех, и выходные в моем детстве прошли весьма насыщенно. Жизнь в коммуналке вообще предполагает минимальное нахождение в четырех стенах, особенно если эти стены находятся в таком районе, как Петроградка. Зато в Эрмитаже я ориентируюсь не хуже волонтеров, которые помогают выбраться из его глубин изнемогающим от усталости посетителям.

Когда мне исполнилось пятнадцать, моя мама, филолог по образованию, решила освоить еще одну профессию и стала экскурсоводом для иностранных туристических групп. Однажды к такой группе прибился морячок из Риги, русского происхождения, точнее, из тех русских, что жили в Латвии еще до революции. Они познакомились, чему я до сих пор удивляюсь, потому что я никогда не встречала такого стеснительного и неразговорчивого человека. Он моложе мамы почти на десять лет, и возможно, только этим можно объяснить, что моя мама поддержала это знакомство. Подозреваю, что она просто не воспринимала его как потенциального – как это сказать? Кавалера? Ухажера? Все слова лезут какие-то старомодные, но как раз ими Андриса и можно назвать. Он стал при каждой возможности приезжать в Петербург, со временем мама познакомила его со мной. Помню, меня поразило его смущение, он, похоже, был потрясен моей взрослостью и ростом. Я намного выше моей невысокой мамы, пошла в отца размерами. Потом, когда они вдвоем ушли, я попыталась вспомнить, что мамин знакомый говорил, и не смогла. Ничего не говорил. Кажется, единственное слово, которое он выдал из себя, было его имя.

Вот из-за Илонки мама с Андрисом поженились и поселились в Латвии. Я уже к тому времени училась в музыкально-педагогическом колледже и чувствовала себя совершенно самостоятельной. Крыша над головой у меня имелась, я понемножку прирабатывала, а запросы у меня тогда были, впрочем, как и сейчас, небольшие. Отец изредка делал мне подарки, но он тоже оказался за границей – в Таллинне, а заработки его, как я могла догадываться, не всегда случались легальными. Так что я отпустила маму в новую семью, хотя, что уж скрывать, мне бывало одиноко...

С чего это я с самого утра только и делаю, что занимаюсь нитьем? Надо поскорее собраться и выполнять то, что запланировала на сегодня. Уныние для меня непозволительная роскошь!

Я вернулась в свою комнату и, как всегда, остановилась у портрета, здороваясь с ним. Со стороны, должно быть, странно смотрится, как я беззвучно шепчу приветствие и поглаживаю пальцами потускневшую раму. Из темноты на меня смотрит узкое лицо, утопающее подбородком в кружевном стоячем воротнике. Красавцем его не назовешь – нос велик непомерно и тяжело нависает над крупными губами, которым позавидовать могут лишь дамочки, превратившие свой рот в подобие утиного клюва. Но едва ли в начале XVII века хоть кому-нибудь пришло в голову подвергнуть себя такой манипуляции. Зато у герцога из рода Медичи глаза смотрят умно и твердо из-под высоко поднятых к вискам бровей. Заодно можно определить, какой сегодня ожидается день – удачный или так себе. Судя по моей жизни, дни «так себе» составляют львиную долю в каждом из прожитых лет, но герцог на портрете иногда словно подбадривает меня. Вот и сейчас он явственно повернул голову, чуть заметно улыбнувшись выпяченными губами. Значит, все будет хорошо...

Чтобы ознаменовать начало отпуска, я отыскала платье, купленное позапрошлым летом, когда мы с Фелицией летали в Грецию к ее родственникам. А на ноги светлые тапочки на шнуровке, колготки принципиально надевать не стала, в конце концов, лето по календарю давно наступило. Что еще? Вынести мусор. Это моя обязанность, потому что Многокарповна так

установила явочным порядком. Я вошла в кухню, чтобы захватить с собой пакет для помойки и обмерла...

Моя соседка рылась в своем буфете, одетая в блестящий темно-синий шелковый халат с крупными ирисами, точнее, не халат, а халатик, потому что он ладони на две не доставал до колен. Ее пышный торс ярко контрастировал с невероятно длинными, тонкими ногами, белыми до прозрачности. Заметив мой открытый рот, Многокарповна грозно рывкнула:

– Да когда ты уже уйдешь! – и в это мгновение раздался звонок у входа в квартиру. Поняв, что ничего со мной не поделаешь, моя потрясающая соседка понеслась открывать двери, обдав меня густым запахом знакомых из детства духов. Подождите, а что там у нее на голове? Жидкие, белесые волосики стянуты на макушке в кокетливый фонтанчик в стиле конца восьмидесятых.

Многокарповна, лязгнув замками, отперла дверь. В проеме высветился небольшой, кругленький человечек, как мне показалось издали, темноволосый и с усиками. Они сразу же нырнули в ее комнату, причем я ясно увидела, что коротенький господинчик ловко приобнял мою нарядную соседку. На этом мои потрясения не закончились – он еще и напевал: «О, голубка моя!»

Эта мелодия звучала у меня в голове, пока я шла по черной лестнице. Что это за музыка? Знакомая, я такую наигрывала на бальных танцах, что-то латиноамериканское. Нет, чему я так удивляюсь? Меня не бывало дома с раннего утра до поздней ночи, за это время можно и в свадебное путешествие успеть съездить. К тому же в последнее время Многокарповна стала намного свободнее в средствах. В ее буфете на кухне появились упаковки дорогого кофе, на столе явно на показ время от времени выставлялись баночки с икрой, а водочные бутылки у мусорного ведра сменились на коньячные.

Получается, только у меня нет никакой личной жизни, тогда как у других – смотри выше. Но, как выясняется, нельзя терять надежду. Сколько лет моей старушке? Родилась она перед войной, сейчас у нас десятый год – примерно семьдесят с хвостиком.

С хвостиком! Я невольно рассмеялась, и проезжавший мимо мальчишка на роликовых коньках удивленно на меня оглянулся. Но какова Многокарповна! Судя по фотографиям, в молодости она была очень хороша собой, высокая, стройная натуральная блондинка скандинавского типа. По ее рассказам (пока она не начала серьезно попивать, соседка часто вспоминала свою жизнь), жила она очень обеспеченно, от родителей досталась хорошая квартира в престижном сталинском доме, замуж вышла по тем временам тоже роскошно – за моряка заграничавания. Мужа подолгу не бывало, да и сама она частенько по работе ездила в командировки, успехом у мужчин пользовалась огромным, и однажды решила на волне какого-то бурного увлечения развестись. Новый ожидаемый брак не состоялся, но к тому времени подросла дочь, Татьяна.

Годам к семнадцати она стала сногшибательно хороша, редкой, фарфоровой красотой, с изумительными густыми льняными волосами, такая же высокая и фигуристая, как и мать. В нее влюбился до полусмерти (так рассказывала Многокарповна, и я ей верю) какой-то весьма взрослый, очень состоятельный грузин. Про состоятельность в этих рассказах тоже не было преувеличения, поскольку в советские времена он с легкостью купил молоденькой жене кооперативную трехкомнатную квартиру, машину, и завалил дорогими вещами. От щедрот богатого зятя немало перепадало и теще. Между стеклами кухонного буфета до сих пор засунута фотография, где рядом стоят Тамара Поликарповна и Татьяна, на фоне гор и цветущих деревьев, почему-то обе в мохнатых шубах. Соседка рассказывала, что этот снимок сделан ранней весной в Тбилиси, куда они прилетали в гости к родным зятю, в Питере еще лежал снег, а в Грузии цвели деревья. Но с гор дул ледяной ветер, и самые шикарные дамы продолжали носить меха. Все шло прекрасно, только время летело, а детей у Татьяны не было.

Они расстались, причем даже теща не могла обвинить зятя в отсутствии заботы о бывшей жене. Ей остались и квартира, и машина, и все остальное. Поскольку ни профессии, ни образования у Татьяны не имелось, она занялась тем, что у нее хорошо получалось: выходить замуж. Замужество было несколько, каждое последующее классом ниже предыдущего. При этом по прежним законам каждый бывший муж получал часть квартиры и прихватывал, уже без всяких законов, кое-что из ценностей, пока все это не закончилось. Дочь переехала в квартиру матери, и там все началось по новой. После очередного развода Татьяны Тамара Поликарповна оказалась в нашей квартире, оставив дочери однокомнатную, но и той вскоре не стало. Последние несколько лет дочь чаще всего жила у матери и работала посудомойкой в каком-то ресторане. Обе они заметно опустились, постарели. Эта эпопея происходила в то время, когда моя мама уже переехала в Ригу.

Закончилось все трагично. Я не знаю подробностей, это как раз случилось, когда мы с Филькой были в Греции, стало быть, два года назад. Татьяну нашли мертвой у нас на лестнице, недалеко от квартиры. Проводилось следствие, меня тоже опрашивал молодой инспектор из милиции, но я ничего толкового сообщить не смогла. После смерти дочери Многокарповна сильно сдала, у нее стали появляться какие-то странные фантазии, именно тогда она начала панически бояться наркоманов, хотя раньше разгоняла их своим трубным гласом. Однажды она сильно меня озадачила – не давала проходу, вынь да положь ей ее кошку, уверяла, что в кошку переселилась душа Татьяны, что я эту самую кошку выгнала. Признаться, я тогда всерьез заволновалась, потому что никакой кошки у нас в квартире не было. Я обращалась за советом к Фелиции, как к дипломированному психологу, но она только разводила руками. Лечиться добровольно Многокарповна не станет, а насильно упечь ее в психушку у меня не было никакого желания. Постепенно все утихло, но еще долго я с большим недоверием относилась к моей соседке. То она подробно рассказывала, как обращалась за помощью к бывшему мужу Татьяны, первому из длинного ряда ее мужей, то шепотом делилась большим секретом – дело об убийстве дочери передано в КГБ. Бесполезно возражать, что КГБ давно нет, и убийства, скорее всего, тоже никакого нет. Шла по лестнице, возвращалась с работы, как обычно, в подпитии, вот и случилось несчастье. Для меня вся эта история имела неприятные последствия в виде окончательно испортившегося характера Многокарповны. В нашей мрачной квартире и так было невесело, а стало совсем уж... Нет, постойте, а как же сегодняшнее развлечение? Не все еще потеряно!

Я поправила на плече безразмерную сумку под прозванием «Аскольдова могила». Кто такой Аскольд – в точности не знаю, хотя есть такая опера композитора Верстовского и в ней очень красивый хор девушек. Сумка мне нравится, вот только найти там сразу нужную вещь никогда не получается, приходится нырять в эту торбу чуть не с головой.

Идя по знакомой до мельчайших деталей Петроградке, я пыталась нашарить записную книжку, попутно нащупав отрывок рукописи, чтение которого прервала Многокарповна. Когда же мне их вручила Марьяна, точнее, Марьяна Георгиевна, мой бывший преподаватель истории в колледже, приятельница мамы и моя негласная опекунша? Снег лежал за окном; может быть, март, может, начало апреля, во всяком случае, давненько. С тех пор мы не виделись, Марьяна в этом учебном году уже не работала, вышла на пенсию. Ну, ничего, она меня простит, знает, сколько работы обрушивается в конце года.

Дом, где живет Марьяна, не похож на окружающие постройки, ему бы стоять где-нибудь в спальном районе, там таких пятиэтажек белого кирпича полным-полно, а здесь он один. Место хорошее, рядом сквер, транспорта мало, для центра города очень даже тихо. Вот, всего одна машина неторопливо проезжает и останавливается неподалеку, небольшая, темная и с тонированными стеклами.

Пока я листала записную книжку в поисках кода от подъезда, кляня свою неспособность запомнить ни номеров машин, ни телефонов, ни даже кода кредитной карты, подоспела шуст-

рая старушка с продуктовыми пакетами, ткнула пальцем в кнопки, и я проскользнула вслед за ней в раскрывшуюся дверь. Бдительная бабулька приостановилась на лестнице, дождалась, когда откроется дверь и выйдет хозяйка квартиры, поздоровалась с ней, и только удостоверившись, что она меня знает, стала подниматься выше.

– Очень рада тебя видеть, Риммочка! – поцеловала меня в щеку Марьяна.

Риммочка – это я, и у меня определенно есть проблемы с собственным именем. Ну не люблю я его! Риммочка – это прямо-таки «рюмочка», Римуля – терпеть не могу, Римка – нисколько не ласково.

Я устроилась на диване, покрытом светло-коричневым плюшевым покрывалом. Мебель в комнате и все остальное – ковер на покрытом лаком паркетном полу, бежевые обои, стенка с посудой и книгами, кресла с журнальным столиком между ними были точь-в-точь такими же, как в тысячах других квартир, обставленных в советские времена. Только в тех, других квартирах, всё давно износилось, выцвело, потерялось, потеряло респектабельный вид, а комнаты у Марьяны Георгиевны выглядели так, как будто их специально обставили на киностудии для съемок фильма из восьмидесятых годов. На мебели ни царапинки, не говоря уж о пылинках, ковер пушистый, гардины белоснежные.

– Я тебя с самого утра дожидаюсь! Нет, нет, не извиняйся, напротив, очень приятное чувство, когда ждешь чего-то хорошего.

Марьяна Георгиевна вкатила в комнату уже накрытый столик на колесах. Действительно, она ждала: на белой льняной салфетке разместились тарелочки с маленькими тарталетками, наполненными салатами из свежих овощей, аккуратнейшие бутерброды с мясом и красной рыбой.

Никогда еще Марьяна не отпускала меня, не покормив. Отказываться было бесполезно. Кроме того, в этом доме знают, как вкусно поесть без последующих угрызений совести, достаточно посмотреть на хозяйку. Ее осиная талия всегда была предметом зависти для юных студентов. А ведь ей уже лет шестьдесят.

Моя мама дружила с Марьяной много лет, разница в возрасте у них совсем не ощущалась, а общих интересов находилось немало. Мама преподавала в медицинском колледже, а ее старшая подруга – историю у нас в музыкально-педагогическом. Муж у Марьяны Георгиевны умер уже давно, единственный сын в начале девяностых уехал в Штаты и там обосновался.

– Как твои дела? Поступать не решилась?

– Пока нет, не определилась, – присочинила я.

– А что так? Время идет!

С этого вопроса и моего уклончивого ответа начиналась каждая наша встреча. Конечно, время идет, и мои мечты относительно высшего образования уже почти растаяли. Даже если бы мне удалось пробиться на бюджетное отделение, все равно жить было бы не на что.

– Думаю об этом, только в последние месяцы такой вал работы, что просто гнала от себя любые посторонние мысли, – почти честно сказала я.

Моя собеседница покивала головой:

– Знаю, мне ваш завождением жаловался, что теряется последовательность процесса, не обучение, а сплошные авралы. Все студенты где-то работают, кому нужно и не нужно.

– Меня другое беспокоит, Марьяна Георгиевна, аккомпаниаторской работы сейчас все меньше. Вы знаете, я часто подрабатывала в балетных студиях, а теперь и они переходят на фонограмму.

– Да уж, твой дед, Риммуша, ни за что не поверил бы, что той профессии, которая его всю жизнь исправно кормила, возможно, не станет. Вот отец рано от музыки отошел, ну, он всегда нос по ветру держал...

Моего отца Марьяна недолюбливает, хоть и не встречалась с ним много лет.

Я только сейчас обратила внимание, что она выглядит хуже, чем обычно. Нет, одета и причесана она, как всегда, безупречно. Но то ли солнце заглянуло в комнату, то ли я приоткрылась: всегда тоненькая, она стала просто сухонькой, напудренные щеки под скулами глубоко западали, под глазами и в их углах под слоем корректирующего средства проступала густая нездоровая синева. С истончившихся пальцев едва не соскальзывали знакомые с детства кольца. Я поторопилась перевести разговор на другую тему.

– А как вы к сыну слетали? – я знала, что она ездила в гости к родным.

– О, Штаты – это здорово! – подхватила она. – Там такая погода зимой, какую у нас в Питере и летом нечасто увидишь. Вообще красивая страна. Многие из наших влюбляются в нее без памяти.

– Остаться не предлагали?

– Представь, предлагали, и вполне искренно. Но я пока не готова. Не поверишь, не могу долго без Петербурга! Казалось бы, родилась не здесь, но просто прикипела к нему. Я, наверное, не раз тебе рассказывала, как в первую ночь после своего приезда в Ленинград бродила по городу, пока меня не сморил сон под каким-то памятником! Едва в милицию не забрали, тогда с этим строго было. Еле уговорила милиционера, чтобы отпустил, иначе опоздала бы подать документы в университет. Наверное, учел, что на исторический факультет, а, может быть, потому что сам был молоденький.

Марьяна Георгиевна мечтательно откинулась на спинку дивана, подперла тонкой ручкой худенькую щеку. Спыхватившись, виновато повернула ко мне голову:

– Заболталась о себе! Как ты живешь, девочка? Как мама, она мне давно не звонила? Что Илонка? Ты хорошо выглядишь, у тебя цветущий вид!

Да уж, цвету. Бушую прямо! Вслух я произнесла:

– Собираюсь поехать к ним, у Илоны скоро день рождения, она меня очень ждет.

Марьяна покачала головой, разглаживая на коленях светло-серую юбку:

– Признаться, я одобрила, когда твоя мама решила уехать в Ригу, хоть и понимала, что работать по специальности ей там не светит – русская филология в Латвии не в чести.

– Я и сама не очень хорошо представляю, как они устроились на новом месте. Был бы у меня постоянный интернет, но при моих обстоятельствах...

Марьяна непроизвольно поджала губы. Она отлично поняла, какие обстоятельства в лице Многокарповны я имела в виду, и это не только проблемы с проведением стационарного интернета. Моей соседке кто-то напел, что тогда телефон будет всегда занят, а объяснять ей что-то – это выше моих сил. Наверное, это единственная мамина просьба, которую Марьяна не нашла в себе сил выполнить – хоть иногда навещать ко мне в квартиру. Трудно представить себе два более несхожих существа! Они с Многокарповной возненавидели друг друга с первого взгляда. Не стаду приводить здесь словесных построений, которые потом громогласно изрекала моя соседка, но и Марьяна не удержалась от единственного бранного слова, которое я от нее когда-либо слышала. Она долго молчала в потрясении, потом процедила с невыносимым презрением: «Фефёла!» Что это такое, до сих пор не знаю, но сказано это было с чувством.

– Может быть, ты чаю хочешь? – встрепенулась хозяйка. – Прости меня, милая, кажется, я тяну время.

Она встала с дивана, сделала круг по комнате и снова присела рядом со мной.

– Ну что, «мороз крепчал»?

– Какой мороз? – удивилась я.

– Ну, это из биографии Чехова. Рассказывали, что он отказался читать присланную рукопись начинающего автора, потому что первыми словами в романе было: «Мороз крепчал».

– Я же не Чехов! Занятный отрывок... А что это?

Марьяна замялась, засмеявшись немного натянуто, но, заговорив, постепенно воодушевилась:

– Понимаешь, девочка... В той версии истории, которую нам преподавали когда-то, скопился целый набор штампованных клише. Все события подгонялись под классовую теорию и борьбу угнетенных масс. А то, что не укладывалось в эти рамки, отбрасывалось. Я когда-то, по незнанию, попыталась взять в качестве темы для курсовой работы что-нибудь из времен Павла I, но... Была у нас такая дама, заведовала кафедрой истории партии. Она читала лекции только за трибуной, всегда носила жакет, похожий на мужской пиджак, и волосы откидывала назад вот так, растопыренной пятерней... – Марьяна продемонстрировала залихватский жест, махнув рукой над своими ухоженными волосами. – «Зачем вам этот припадочный? Ничего, кроме омерзения, этот солдафон гатчинский не может вызывать. Возьмите лучше тему бунтов против военных поселений во времена Аракчеевщины. Богатейший материал! Если его классово верно подать, пятерка вам обеспечена». Но я тогда не послушалась. Выпросила у своего руководителя тему истории строительства в Гатчине, и... Получила три балла, самую свою низкую оценку за всю учебу! И это при том, что большая часть работы пришлась на Григория Орлова, он в Гатчине первым затеял большое строительство. Но с каким упоением я подбирала материалы о павловских временах! Правда, они на многие годы остались лежать без применения. И частенько по телевизору показывали фильм «Весна на Заречной улице», где симпатичнейшая учительница литературы произносила фразу, от которой у меня чуть ли не слезы наворачивались на глаза... Помнишь? «Когда жестокий и трусливый император Павел», и так далее... Я-то знала, что он не был ни жестоким, ни трусливым. Станным – да, непредсказуемым – да, непоследовательным – да! Никогда, пожалуй, исследователи не смогут прийти к единому мнению по поводу оценки его невероятных поворотов в политике. То он с жаром поддерживает масонов, то охладевает к ним и дает пристанище иезуитам. То в память о своих встречах с Людовиком XVI и его женой принимает эмигрантский корпус принца Конде; то воюет с Наполеоном, то собирается вместе с ним в поход на Индию!..

Марьяна судорожно перевела дыхание, и словно опомнилась, смущенно прервала сама себя:

– Вот проняло старушку... всю жизнь я лелеяла надежды, что когда-нибудь смогу заняться любимым временем вплотную. Но всегда что-нибудь да мешало. Семья, работа, да мало ли... А теперь решила – всё. Больше возможности у меня не будет.

Я смотрела на знакомое с детства лицо подруги моей мамы и словно видела его впервые. У нее, оказывается, решительный подбородок и широкие упрямые скулы, особенно сейчас, когда она замерла, стиснув зубы. Но как же она сдала за последние месяцы!

– Так это роман о Павле первом? – мне пришлось слегка откашляться, чтобы голос звучал натуральнее, и отвела глаза в сторону.

Марьяна отозвалась не сразу, она тоже разглядывала меня, словно увидела во мне нечто новое.

– Видишь ли... Все так складывается... Как я жалею, что не выслушала внимательно твоего отца! – она покачала головой и опередила мой вопрос. – Нет, это случилось уже давненько... Кажется, незадолго до того, как он ушел... Уехал... Не суть важно. У твоей мамы был день рождения, мы собрались небольшой компанией. Когда разъезжались, твой отец вызвался проводить гостей до метро. Ну, а мне, естественно, метро ни к чему – здесь идти-то всего ничего. Валерий меня вызвался проводить, я отказываться не стала, подумала, он многовато выпил, пусть проветрится... Да! – Марьяна виновато взглянула на меня. – Я всегда имела предубеждение против него. И оттого слушала его вполуха. А он тогда начал рассказывать о своей семье, но перескакивал без конца, так что я и при желании не смогла бы разобраться, что к чему. Поняла только, что дед его родом из Петербурга, и его предки как-то связаны... Нет, что-то очень важное произошло в их семье в правление Павла. Я тогда отмахнулась от него, а вот теперь страшно об этом жалею. Потому что ведь он не просто так обратился ко мне, он, похоже, сам пытался разобраться в чем-то, а никого, кто был бы в курсе событий двухсотлетней

давности, среди его знакомых не наблюдалось... О таких вещах вряд ли говорят при посреднических сделках или в ресторанах... Прости... Я знаю, ты отца всегда любила и до сих пор, пожалуй... Тебе он рассказывал что-нибудь про свою семью?

Пришло время смутиться мне.

– Н-не помню... Кажется... Нет, только дедушка иногда вспоминал, что его отец вывез семью из Петербурга... нет, Петрограда сразу после революции. Но я редко бывала у них с бабушкой, а когда отец ушел от нас, и вовсе... Да они и умерли вскоре, один за другим, как-то так. Я ведь ненамного старше Илонки тогда была, что я могу помнить... Хотя нет, день, когда отец уходил, я помню хорошо. Но тогда о родных он ничего не говорил. Повесил на стену этот портрет, над моим диваном, и пообещал все объяснить, когда я вырасту и смогу понять... Я тогда так растерялась, и вообще не могла поверить, что можно вот так взять и уйти.

– Подожди, Риммочка, чей портрет? Кого-нибудь из семьи или...

– Да нет, точно не из семьи. Вообще не пойму, при чем тут Козимо Медичи. Ну, герцог такой, он Тосканой правил, в начале XVII века.

Марьяна удивилась:

– Медичи? Вот не думала... Какая тут может быть связь? И эпоха совсем другая... И ценный портрет?

– Не думаю! Копия, выписана очень старательно, все детали совпадают, я не раз сравнивала с оригиналом из интернета.

– Дореволюционная? Копия?

– Нет, едва ли... Точно нет! Написана на куске фанеры, на обратной стороне еле можно прочесть: «Чаеразвесочная фабрика, 1944». Хорошо помню, сколько раз я туда заглядывала.

– Только одно и можно заключить, что не пытались выдать подделку за оригинал... Что ж, и на этом... Медичи? После того, как времена Ренессанса закончились, Медичи как-то измельчали, я даже сразу и не вспомню никого, кто как-то себя проявил... А где сам подлинник, ты не интересовалась? В Эрмитаже не встречала?

– Нет, он не в Эрмитаже, я его долго в интернете разыскивала. Писал голландский художник, Сюстерманс, кажется.

– Хм, странно, не ожидала... Ты с отцом давно общалась?

– Сто лет не виделись. На новый год перезванивались, а больше... Он приезжал в Петербург года три назад, а может... Не помню! Но я постараюсь увидеться и расспросить обо всем, мне самой интересно.

– Уж постарайся! Вот не ожидала... Я-то про Павла собиралась услышать...

Марьяна замолчала, словно устав от разговора. Плечи ее поникли, она замерла, как будто прислушиваясь к чему-то внутри себя. Кажется, я ее утомила. Всего пару месяцев мы не виделись, а как стал сказываться ее возраст, раньше я этого не замечала. Надо поскорее уходить, но не молчать же при этом!

– А... почему эта история с девушкой, как ее... Ираида? – осторожно спросила я, развернув колени в сторону прихожей.

Марьяна ответила не сразу, и, когда она заговорила, глаза ее словно блуждали, но начав, разговорилась, взгляд постепенно прояснился и лицо порозовело:

– Делать Павла главным героем повествования я и не собиралась... Не по чину, так сказать, влезать мне, пусть и задним числом, в жизнь коронованных особ... Хотелось написать про Кутайсова, ближайшего друга и поверенного в тайнах. Екатерина II как-то подарила сыну пленного турчонка – по нашим временам дикость, а тогда... Но в общем все обошлось хорошо. Мальчишки вместе выросли, вместе учились – Марьяна заметно приободрилась, заговорила живее – турчонок, окрестили его Иваном Павловичем, учился даже лучше своего друга – хозяина. Кстати, отчество «Павлович» он получил оттого, что его крестным записан сам Павел.

Павел, между прочим, имел недурные способности к точным наукам, об этом многие вспоминают. Кстати, ты как Кутайсова представляешь? Внешне?

Я замялась, силясь припомнить, как его описывает Марьяна, но на мое счастье она сама продолжила:

– Помнишь фильм «Крепостная актриса»? Старый, музыкальный. Экранизация какой-то оперетты. И там Леонов играет графа Кутайсова. Замечательно играет! Такой он у него весь мерзкий, сластолюбивый, недалекий: «Я брадобрей царский! Я самого государя брил!» – за точность не ручаюсь, но реальный Кутайсов выглядел совершенно иначе, уж хотя бы потому, что был восточных кровей.

– Так это он? Кутайсов? А почему брадобрей?..

– Было и такое – Марьяна степенно кивнула. – Когда Павел подозревал всех и вся, что его хотят лишить жизни, то подпускал с бритвой к себе только самого доверенного друга. До сих пор живут предания о том, что Павел был умалишенным, параноиком, но в конце концов он оказался прав – его предали все, и убили зверски, и после смерти оболгали... А самое неожиданное, с чем я столкнулась, это то, что повествование стало выходить из-под моего контроля. Кутайсов как-то отодвинулся на второй план, и произошло это после того, как я начала описывать эпизод с семейством Потуриных. В плане повести у меня это было задумано для бытовых подробностей. Моя однокурсница посоветовала заглянуть в одну папку – обнаружилась при переезде архива в другое здание.

Так вот, в этой ветхой папке с расплывающимися тесемками нашлись отрывки из воспоминаний Степана Тимофеевича Потурина – припоминаешь? Это старший из братьев Потуриных, тот полковник, в доме которого останавливался под Москвой Сергей Тимофеевич с женой и дочерьми после коронации императора Павла. Кроме черновых записок об осаде Очакова в папке оказались еще письма от Дарьи Петровны, матери Ираиды и Зинаиды. Сначала я приняла их за копии, слишком хорошим почерком написаны, потом предположила, что она не обязательно должна была сама писать, скорее всего, диктовала кому-то. Но меня эти письма заинтересовали, отсюда я брала эпизоды переезда в Петербург, описание дома, где они поселились, о бытовых хлопотах, о приеме гостей. Как я жалела, что рядом нет твоей мамы, вот кто мне помог бы! Филологи легче разбираются в старинном письме. Там, конечно, не старославянский, не церковный язык, но от современного сильно отличается. И вот что еще...

Марьяна замолчала, произвольно перебирая кольца на сухих пальцах.

– История семьи Потуриных показалась мне чересчур знакомой. Сначала я подумала, что читала об этом в каком-то романе, но... Нет, книга такая действительно есть, «Коронованный рыцарь», вышла в конце XIX века, написал ее Гейнце, был такой весьма популярный автор, претендовал на звание русского Дюма. Готова поспорить на что угодно, но папка с семейным архивом Потуриных непременно побывала у него в руках! Гейнце как раз известен тем, что частенько брал в качестве сюжетов нашумевшие полицейские расследования. Фамилия героини у него в книге другая, но имена все те же самые, только перетасованы, и обстоятельства исчезновения старшей дочери совпадают в деталях... – Марьяна незаметно перешла на шепот: – Вот только не так все это было!.. Не смотри на меня так!..

Она расцепила пальцы и вздохнула, дотрагиваясь до моей руки

– Знаешь, я просто теряюсь в последнее время, и вовсе не от того, что не знаю, как продолжить и о чем писать. Напротив, слишком хорошо знаю. Именно об этом и пытался мне рассказать твой отец, это и есть ваша семейная история. Подожди, не перебивай! – она умоляюще стиснула пальцы на моем запястье. – Дай я все проговорю вслух, а то у меня уже распирает от всех сведений, голова пухнет... Так вот, кроме писем Дарьи Петровны в папке еще оказались любопытные документы. Письмо от Авдея Гредякина, земляка и сослуживца братьев Потуриных, затем что-то вроде отрывка из полицейского отчета и черновик прошения

на высочайшее имя «О признании младенца, вне брака рожденного, и дарования ему части семейной фамилии»

– А о ком это?

– Видишь ли, из писем Дарьи Петровны становится ясно, что семью постигло большое несчастье, можно сказать, гибельное: старшая дочь, Ираида, пропала. Отец вскоре скончался, мать также писала о том, что тяжело хворает. А о младшей дочери она пишет глухо, обиняками, может быть, оттого, что не своя рука пером по бумаге водила.

– А что за ребенок, чей он, откуда взялся?

– Вот тут и простор для писательской фантазии, а она у меня разлетелась без всякой меры. Иван Павлович Кутайсов отошел на задний план, вообще весь план повести пошел на смарку. В том, что девица Ираида исчезла бесследно, нет уверенности – шло полицейское расследование «О разыскании пропавшей дворянской девицы Ираиды Сергеевой дочери Потуриной», как-то так. Нашлась свидетельница, которая видела девушку, подходящую под описание, в ту ночь, когда старшая из дочерей исчезла. Повивальная бабка Матрена Бушмакина, вызванная к роженице, видела карету с лошадьми в Лесном. Обратила внимание на молодую даму или барышню в шелковой дорожной накидке поверх богатого платья, и, что самое примечательное, заметила на шее у нее «перлы самоцветные», так в документе сказано.

Дальше полиции ничего не удалось узнать. В последнем письме Дарьи Петровны она подробно говорит о том, как прошли сороковины Сергея Тимофеевича, немного о том, что здоровье Зинаиды, младшей дочери, стало поправляться: «Было уж совсем не чаяли ее на этом свете видеть, да не попустил Господь», и совсем бегло, как бы вскользь: «Не оставь, батюшка, Степан Тимофеевич, малютку нашего, сиротинку горькую, без твоего родственного попечения».

И еще очень интересное письмо от Гредякина. Он, после домашних новостей и приветов от старых друзей, пишет о том, что никаких сведений о Вацлаве Нежегольском найти не удалось, и никто его в местах, которые он называл своими владениями, не видел и не знает... Да, а в последнем письме почтенная старушка (ей, по всему, было чуть за сорок), скорее всего, отвечая на вопрос, пишет о том, что драгоценные уборы, государевы дары, так и не нашлись. И даже жалуется на самоуправство каких-то людей, которые перевернули весь дом, что-то разыскивая. И после смерти Сергея Тимофеевича ее не оставляли в покое, устраивали форменные допросы по поводу какого-то непонятого предмета. Я поначалу ухватилась за эту версию и много чего интересного нарыла, но потом отказалась от этой сюжетной линии. Она вводила не то в мистику, не то в конспирологию, а я человек реальный, приземленный. Когда у сына в Штатах гостила, набрала часть текста с таким развитием сюжета, но не рискнула продолжать. Мне бы с обычной семейной историей справиться.

– А что было дальше с ребенком?

– Тоже никакой ясности. Прощение подавалось на имя Александра I, это как минимум спустя три-четыре года после описываемых событий. Говорят, Александр был достаточно милостив к просителям. Дворянских детей вне брака рождалось довольно много. Приходилось прикладывать немало усилий, чтобы волокиту в учреждениях преодолеть, но в общем – было бы желание и средства на воспитание таких детей...

Марьяна откинулась на спинку дивана, лицо ее как бы поплыло, мгновенно постарело на глазах. Она на несколько секунд прикрыла глаза.

Я вскочила, наклонилась над ней:

– Вам плохо?! Что нужно, лекарства, воды?

– Ничего не надо, просто белые ночи стоят, скверно сплю. Уже больше сорока лет в Петербурге живу, а всё организм не адаптируется. Голова закружилась.

– Марьяна Георгиевна, может быть, я в другой раз приду? А вы полежите, попытайтесь уснуть. Давайте я посуду уберу.

– Не нужно, девочка, я сама. Ты мне твердо пообещай, что завтра придешь, ведь тебе надо к маме съездить, а я сейчас надолго вперед не загадываю. Хоть бы писание свое поскорее закончить... Не хватает какого-то стержня, на который все прочно нанизывается... Вот в героине я уверена, я ее с тебя писала.

– Вы думаете, что это не совпадение? Фамилии разные. Те Потурины, а мы Туриновы.

– Корень один – серьезно ответила Марьяна.

– Зато суффиксы с приставками разные! – попробовала я отшутиться.

Глава третья *Animato poi misteriozo* (одушевляясь, затем таинственно)

Что уж там скрывать – от Марьяны я выпорхнула, не чуя под собой ног. Но, пройдя каких-то пару кварталов до салона сотовой связи, где наконец оплатила интернет, несколько поостыла. Не о том думаешь, наследница семейных преданий! Все это, конечно, о-очень интересно, но что изменилось в моей жизни? Предки мои (если они и в самом деле предки, тут еще посомневаться нужно) хоть и занимали видное положение, так утратили его тогда же. Сокровищ у нас в семье тоже отродясь не наблюдалось и никаких разговоров на эту тему не заводилось. Конечно, можно прямо сейчас позвонить своему непоседливому папе и спросить, к примеру, о сокровищах. Или преданиях об оных. Но звонить в Таллинн, то бишь за границу, процесс недешевый, к тому же отец частенько бывает в разъездах, и роуминг может обойтись еще дороже. Если уж говорить о чем-то важном, лучше всего сделать это с глазу на глаз. Как раз это несложно будет устроить – после Риги напрямик отправиться в Таллинн, всего-то четыре часа на рейсовом автобусе. Надеюсь, денег мне на эти переезды хватит.

Что имеем в сухом остатке? Оставляем романтические повороты судьбы на потом, и впрямую занимаемся насущными проблемами. А именно: поисками подработки, и первое, что стоит сделать, это связаться с лучшей подругой Филькой. Она всегда поможет, если не делом, то хотя бы советом.

Фелиция ответила на звонок сразу, и на вопрос, когда к ней можно подъехать, бодро ответила, что хоть сейчас. И добавила:

– Помнишь, где мы зимой встречались? Вот туда и подъезжай, на Ваську. Зайдешь с центрального входа.

Как не помнить! Именно оттуда мы отправились на знаменательную распродажу, где я обзавелась парой замечательных штанов, что подпортили мне настроение сегодня утром. Ладно, Филька здесь не при чем.

Родители дали ей старинное имя Фелицата. Встретились мы впервые чуть ли не двадцать лет назад, будучи первоклашками. Она с родителями жила в ветхом здании на повороте Малого проспекта. Дом этот несколько лет назад расселили, но плотно общаться мы с Фелицией не перестали, тем более что она поступила на психологический факультет университета, а он рядом, через Тучков мост и налево. Она частенько забегала ко мне после занятий или в свободные окна между лекционными парами.

Фелицией она стала еще в классе пятом, сама начала подписывать так свои тетрадки. Имя ей нравилось, значение – тоже, и тот, и другой вариант можно перевести как «счастливая». После университета бралась за любую работу, в том числе волонтерскую, в надежде найти хорошее постоянное место психолога. Вот уже несколько месяцев Фелиция работает в какой-то клинике на Васильевском острове и очень этим гордится.

Я вошла в маршрутный автобус и села впереди у прохода – мне скоро выходить. Раскрыла сумку, собираясь достать оттуда наушники, чтобы послушать музыку, и вдруг на меня сверху что-то посыпалось. Я огляделась – на коленях и на полу рядом со мной валялись мелкие монетки. А, это уронил тот мужчина, что вслед за мной заходил на остановке, а сейчас прошел платить за проезд. В офисном костюме, но с дорожной сумкой, похож на кавказца. Я собрала с колен мелочь и, когда он возвращался, протянула ему: «Возьмите, вы уронили». Он что-то неразборчиво пробормотал, и, наклонившись, стал шарить у моих ног рукой. Я инстинктивно отпрянула, и тут увидела такое, от чего раскрыла рот от удивления: поверх моей торбы лежит его дорожная сумка, но у нее нет дна! И рука его чуть не по локоть пробралась в «Аскольдову могилу»!

Я ахнула, успела только пролепетать: «Молодой человек, что вы...», как двери маршрутки открылись, он пулей вылетел наружу и скрылся куда-то в сторону.

Откинувшись на спинку сиденья, я несколько секунд хлопала глазами. Потом до меня дошло – он пытался меня ограбить! Спихватившись, принялась рыться в своей сумке – мобильник я, оказывается, так и держала в руке, кошелек вот он, загранпаспорт, ключи – да все на месте! Ай да «Аскольдова могила», лучшая защита от грабителей! Нет, но каков жук! Еще на остановке у меня мелькнула мысль – приехал или уезжает, между тем, ни здесь, ни на Ваське нет никаких вокзалов. Да и не сумка у него вовсе, а муляж, как оказалось...

Уже выйдя на нужной остановке, я никак не могла успокоиться. Что-то еще было странное во всем этом происшествии, какое-то несоответствие... Импозантного вида кавказский мужчина шарит по пыльному полу в поисках несчастной мелочи?! Перед девушкой? Даже если она ему сто лет не нужна? Быть такого не может!

Вот это меня и кольнуло подсознательно, иначе я бы наклонилась собирать эти копейки, будь передо мной старушка или мужичок несчастного вида. И вытащил бы у меня этот господин все, что его душе было угодно.

А что ему, собственно, угодно? Почему он на меня нацелился? Он один зашел за мной в маршрутку, все происшествие заняло две-три минуты, не больше, ведь он, получается, к водителю шел не только за проезд платить, по дороге меня денежным дождем осыпав, но и попросить открыть дверь, иначе как бы он успел мгновенно выскочить? Ловко! И такая явно профессиональная схема против меня? Да еще и сумка эта бутафорская? Что-то тут не клеится. Не такой уж у меня вид, чтобы можно было подумать, будто я в сумке колье с бриллиантами таскаю. Быстро шагая в направлении станции метро «Василеостровская», я непроизвольно прижимала к себе сумку, пока, опомнившись, не приказала себе идти помедленнее. Что такого произошло? В огромном городе любые случаи нередки, надо радоваться, что обошлось без потерь.

Клиника, старинный особнячок, выделялся из общего ряда старых зданий свежей реставрацией и нарядностью. Полукруглые ступеньки, ажурные перильца, разноцветные петунии в больших вазонах и в подвесных кашпо под вывеской «Медикал-бьюти», на английском и на русском.

О, солидное место! В прошлый раз я внутрь не заходила, мы с Филей встретились у входа. Большой холл с рядами колонн, с черным полом, сверкающим, как будто на нем разлита вода, показался мне в первые мгновения совершенно безлюдным. Похоже на подводный дворец, а множество длинных, переливающихся огнями светильников, спускающихся сверху, дополнили это ощущение. Навстречу мне разлетелась тоненькая девушка с бейджиком, приколотым к белоснежной блузке.

– Что бы вы хотели? Чем я могу вам помочь?

Оказывается, тут полным-полно народу: и стойка администрации есть, и дверей по сторонам зала множество, и посетителей не один десяток.

– Мне... К Фелиции...

Девушка, красивая, как морская царевна, ничему не удивляясь, кивнула головой, показала рукой направо и пошла рядом, сопровождая. Как она умудрялась стремительно перемещаться на таких невероятных каблуках – загадка. Я в своих тапочках едва поспевала за ней, невольно скашивая глаза на пол, где в сверкающей черноте двигался за нами отраженный свет люстр. Царевна-поводырь взлетела на несколько ступенек вверх и еще раз взмахнула изящной ручкой:

– Пожалуйста, вот приемная психолога! Всего наилучшего!

И ускользнула дальше управлять своим царством. В нише, образованной колоннами, обнаружилась дверь с табличкой, опять-таки на двух языках, где было написано «Фелиция Ланцова, психолог», а рядом с дверью, друг напротив друга, два мягких диванчика, обитых свет-

лой кожей. Я присела, и тут только заметила, что соседний диван не пустует. Этот блестящий, полупрозрачный пол так отвлекал внимание, что я сначала разглядела чьи-то ноги в стильно-рваных джинсах, а уже потом, подняв глаза, увидела, что напротив меня сидит какой-то молодой человек и, что самое странное, смотрит не отрываясь и не мигая. От неожиданности я тоже уставилась на него. Первое, что бросилось мне в глаза, были его брови – они поднимались вверх, как у Мефистофеля в опере «Фауст». Глаза то ли темные, то ли зрачки расширены, лицо узкое, удлиненное, нос крупный, тяжелый, губы словно накачаны. Опомившись, я опустила глаза, но мысленно продолжала его видеть, как бы вдогонку рассматривая остальные детали – выющиеся волосы, загорелая кожа на лице; нет, наверное, весь загорелый, шея тоже смуглая и в дыре на колене просвечивает загар. Отчего-то мне стало жарко, щеки мои предательски запылали. Минуты текли мучительно медленно, я не решалась шевельнуться, боясь, если я двинусь, может произойти что-то уж совсем из ряда вон. Я испытала огромное облегчение, когда из кабинета выплыла пышная дама, и послышался веселый голос Фелиции:

– Девушка, заходите!

Я вскинула глаза и снова встретилась взглядом с парнем напротив.

– А... как же... – промямлила я.

– Пожалуйста, входите! Извините, молодой человек! – Филя стояла в дверях, держа их нараспашку.

Проскользнув в дверь, я рухнула в кресло перед письменным столом, вокруг которого не спеша обходила моя подруга. Она уселась напротив меня, и с хитрым видом прищурила глаза:

– Ну, как тебе наша контора? Правда, круто!

– Нет слов, просто дворец морского царя.

– А что, похоже. Мы тут как русалки, а наши клиенты – утопленники!

Мы посмеялись, Филя заливисто, она всегда так смеялась, а я с облегчением, чувствуя, как спадает непонятное напряжение. Потом я спохватилась:

– Там молодой человек, он раньше меня пришел.

Фелиция махнула рукой:

– Не беспокойся, все продумано. Моя работа в том и состоит, чтобы отсеивать сомневающих клиентов. Тут целая система разработана! С одной стороны клинике, как коммерческому предприятию, важно, чтобы наши дамочки подсаживались на дорогостоящие процедуры или операции, но с другой, согласись, это чревато последствиями.

Я потрясла головой:

– Не очень понимаю, как это...

– Видишь ли, все эти современные методы омоложения – штука реальная, мы тут не ерундой занимаемся, не воздухом торгуем в роскошных интерьерах, а серьезные манипуляции над организмом производим. По большому счету, тут надо бы прямо на входе повесить огромный плакат, или лучше растяжку: «Что толку реставрировать фасад, если канализация старая»!

Моя подруга от смеха сначала повалилась на спинку офисного вращающегося кресла, а потом, резко нырнув вперед, едва не стукнулась лбом о поверхность дорогого письменного стола. Я на всякий случай спросила:

– Снаружи нас никто не услышит?

Филька беззаботно махнула рукой:

– Не беспокойся, звукоизоляция на совесть, проверено. Иначе нельзя, психолог как исповедник!

Снова фыркнув, но удержавшись, Фелиция продолжила:

– У нас народ ленивый, во всяком случае, те, что побогаче. Можно просто похудеть, если хоть немного фитнесом заниматься, да поменьше, простите, жрать, особенно деликатесов. Так нет, не круто стало, липосакцию подавай. А это значительное вмешательство в организм

не только в плане хирургической операции как таковой, но и на обменном уровне, и на гормональном. А уж морщины всякие да прочие возрастные изменения и вовсе палка о двух концах, в большинстве случаев гораздо лучше заняться своим здоровьем, парочка курсов в хорошем санатории на внешность влияет не хуже, а совсем напротив.

Но! Такие разговоры для меня, сама понимаешь, табу! Реклама делает свое дело, мода тоже. Теперь стало просто неприличным в определенных кругах появиться без тюнинга. Такая же демонстрация жизненного успеха, как машины, тряпки, брюлики и прочее. Это перед тобой я так разоткровенничалась, а вообще это с моей стороны непрофессионально. Я тут почти год уже выкладываюсь! Почти с нуля методику разрабатывала, целую систему отбора и классификации подобрала. Первые месяцы чуть не на общественных началах, но когда стали появляться результаты в виде уменьшения рекламаций и жалоб и немного, но стабильно увеличился доход, взяли в штат.

– Мне показалось, или вы действительно своих клиентов недолюбливаете?

– Да нет, большинство совершенно нормальные люди, хоть и с деньгами. Думаешь, в районной поликлинике работать легче? А знаешь, какой скандал в наших кругах произошел? Ну, не совсем в наших... В одной бывшей парикмахерской, наскоро переделанной в пафосный салон, открыли процедуру по обертыванию черной икрой. Рекламу запустили невероятную! Цена запредельная! И что ты думаешь – оказывается, мазали теток искусственной желатиновой, да еще и крашеной! А раскусила их одна клиентка, попалась-таки осведомленная или, как я догадываюсь, голодная тетка. Лизнула разок-другой – что такое?! Икринки лопаются не так, как им в природе положено!

На этот раз Фелиция не удержалась, и упала на стол, закрыв ладонями лицо. Я, улыбаясь, ждала, когда она просмеется, по опыту зная, что такой взрыв ничем унять нельзя.

– Знаешь, чем они оправдывались? Своей законопослушностью! Якобы, зная о том, что вылов осетра в Каспийском море запрещен, таким образом охраняли природу и боролись... ой, не могу... боролись с коррупцией и контрабандой!

Пока Филька доставала из своей сумки носовой платок и вытирала слезы, я потихоньку достала мобильник и посмотрела на время. Ого, как бежит!

Заметив мои манипуляции, подруга сказала, обмахиваясь платком, чтобы остудить разгоряченное лицо:

– Ты не думай, это я с тобой так расслабилась. Сто лет так не смеялась, спасибо тебе, рассмешила. Прости, я тебе место работы обещала подкинуть. У нас открылась вакансия – без перехода сказала она.

– Да как же... У меня ведь нет специального образования!

– Это не обязательно, если на ресепшене, лишь бы высшее было. Ой, – осеклась она, – я и забыла, что ты у нас без диплома... Наверное, можно что-нибудь сделать в порядке исключения, потом поступишь куда-нибудь, ты же всегда хорошо училась. Послезавтра приходи с документами.

– Я к маме должна съездить, и у Илонки день рождения, она будет меня ждать.

– Да... Но ты все равно подумай, хватит тебе уже за копейки по клавишам барабанить. Обещай мне, как только вернешься, мы займемся твоей судьбой вплотную.

Неожиданно где-то рядом раздался металлический скрежет. Филька выглянула в окно, поднялась со своего места и я. Прямо под окном ярко-красная машина впечаталась в автомобиль с тонированными стеклами.

– Ну, наконец! – воскликнула Фелиция. – Сколько раз мы тут прикальвались, как она паркуется, чуть не пари заключали, когда врежется в кого-нибудь. Это наша клиентка, поразительно безалаберно ездит. У нее новая машина каждые полгода, наверное, никогда их не ремонтирует. Проще новую купить.

С улицы донеслись раздраженные голоса, мужской и женский с повизгиваниями.

– В кого это она въехала? – продолжила Филя – не знаю, не из наших. Крыло она ему хорошо помяла... Машинка старая, а все же!

– А куда твоё окно выходит? Мне на десятую маршрутку надо.

– О, так давай я тебя в эту дверь выпущу! У меня тут отдельный выход имеется! – с гордостью сказала моя подруга. – Вот тут через коридор и в боковой ход в переулок, и можно маршрутки ловить.

Выйдя наружу, я замедлила шаги, разглядывая место происшествия. Я не большой знаток правил, но даже мне было ясно, что красная машинка просто въехала в бок темной потрепанной иномарки. Дама неопределимого возраста, вереща что-то угрожающее, перемещалась на огромных каблуках перед ворчащим мужчиной, описывая почти точный полукруг. Если я правильно могла оценить маневр дамы, она попросту собиралась смыться с места преступления. Её оппонент, глухо рыча, как дальний гром, пытался ей помешать. Ему почти удалось эта манипуляция, когда он повернулся ко мне лицом. Более неприятного человека я, пожалуй, никогда не видела. Грубое, длинное, слишком большое, с темноватой кожей, с ощеренными зубами непомерно широкого рта, оно исказилось, как мне показалось, от выражения злости до неподдельного удивления. Я непроизвольно дернулась, сумка попыталась съехать с моего плеча, я вытянула руку, чтобы она не свалилась, и перед моим носом остановилась маршрутка. Взлетев по ступенькам, я вцепилась в поручень и дверцы за мной закрылись.

Уф-ф, что же это было? Отчего у него глаза на лоб полезли? Как будто я через стену прошла! И до чего же страшный! Придя в себя, я, повертев головой, определилась, куда еду. Не в сторону дома, это точно. Зато... Правильно, почти подъездом к автовокзалу номер два, а то собираюсь отправиться к маме, а билеты не беру.

Я купила билет до Риги на ночной рейс, в одну сторону, на месте определяюсь, сколько там пробуду. По дороге домой зашла в супермаркет, где обычно делала покупки. Вначале я прошла в отдел игрушек, где загодя присмотрела подарок для Илоны – куклу из сказки о Спящей красавице, а к ней целый набор костюмов и декораций. Цена этого великолепия немного меня смущала, но я сурово напомнила себе о решении питаться только простой и здоровой пищей. Заодно можно сэкономить.

Начав расставлять продукты на широкой резиновой ленте, я увидела, как рядом с моими нехитрыми покупками кто-то поставил бутылку коньяка «Мартель» и положил коробку дорогих конфет прямо поверх моих пакетов с овощами. Не оборачиваясь, я подгрестила своё добро в кучу, отгородившись от нетерпеливого покупателя брусом с логотипом торговой сети. Расплатившись и подхватив свои приобретения, направилась к выходу.

Сразу за дверью рядом со мной пристроился стройный мужчина в дорогом костюме, черной рубашке и светлом стильном галстуке. Загорелая голова у него была гладко обрита, в руке пакет, через который просвечивались те самые конфеты и бутылка коньяка. Пару минут он шел рядом, потом без всякого вступления, как старой знакомой, спокойно предложил:

– Ну, что, к тебе?

Я едва сдержалась, а если честно, просто не нашлась, что ответить. Молча припустила так, что ему пришлось бы бежать за мной вприпрыжку. Кажется, он что-то говорил, но на улице в это время очень шумно, и его старания сказать мне что-то вслед, если предположить, что он старался, остались без результата. Только свернув за угол, я выдохнула и окончательно разозлилась. Я ничего не имею против знакомства на улице, в конце концов, это самое обычное дело, но меня возмутила его холодная наглость и всякое отсутствие попыток проявить ко мне внимание. Нет, что я такое несусь? Может быть, он полагает, что набиваясь ко мне, он и проявляет то самое внимание? Чем ближе я подходила к своему дому, тем больше меня трясло. Ворвавшись в парадное, вызвала лифт, но не стала его дожидаться, а понеслась по лестнице бегом. Пулей пронеслась по каньону коридора, дернула дверь, почти швырнула на пол свою ношу и рухнула на диван, чувствуя, как колотится сердце где-то в горле.

Нет, ну что за день сегодня! События вроде бы совершенно рядовые, но эмоций через край, за месяц столько не приходилось пережить. Как прорвало их!

Услышав звонок телефона, я обнаружила, что мне раз шесть пыталась дозвониться Фелиция.

– Где ты ходишь, подружка? – игриво спросила она. – Поздравляю, пользуешься успехом у мужчин!

Уж кому знать, как не Фильке, что я нравлюсь не самым молодым людям, а их родителям и бабушкам с дедушками.

– Помнишь того молодого человека, который сидел перед моим кабинетом?

Еще бы не помнить! Как раз подумала, стал бы он так грубо клеиться, или нет. Нет, не стал бы. Вообще никак не стал бы, нечего себя обманывать!

– Ну, что ты молчишь? – Фелицию распирало выложить свою новость. – Он, как только зашел ко мне, начал озираясь, пока не спросил, куда делась девушка, которая зашла перед ним. Пришлось ему соврать, что ты пошла на процедуру. Представляешь, он даже спросил, на какую!

– И что? – хмуро выдавила я.

– Как что! Можно подумать, тебя поклонники просто одолевают. Так вот, он даже не стал объяснять, зачем пришел, а просто сбежал. Помяни мое слово, он на тебя запал, как психолог тебе говорю! Пока-пока!

Судя по шуму в телефоне, Филька едет домой, поэтому обошлась без подробностей, на которые она мастер – если их и нет, она сочинит.

Хоть и не верилось, но настроение пошло вверх. Да фиг с ним, с этим хамом с коньяком, в конце концов, ничего он мне плохого не сделал, чтобы так расстраиваться. И вообще, появившейся энергией нужно с толком воспользоваться. Надо поужинать и обязательно убрать в квартире, потому что в последнее время мне было некогда, а Многокарповна этим никогда не занимается. Кстати, как у нее прошло свидание?

Вооружившись щеткой и шваброй, я принялась за наш нескончаемый коридор. Сколько себя помню, ремонта здесь никогда не было. Потемневшие стены, скрипучие полы, облупившиеся батареи... Наша квартира в плане похожа на пообедавшего удава. Голова и хвост – это коридор с небольшим расширением вначале, как бы прихожей, а комнаты, ванная и кухня – «пузо» этой рептилии. Добросовестно сметая пыль от головы к хвосту, я размышляла о том, насколько прежние архитекторы не старались использовать полезное пространство. Вот у нас общая площадь метров сто пятьдесят, а комнатки, которые занимаем мы с соседкой, крохотные. Правда, еще две из четырех, принадлежащие какому-то дяденьке с орнитологической фамилией (не то Птицын, не то Синицын) просторнее. Но он появляется здесь раз в полгода и только для того, чтобы забрать квитанции об оплате.

Подметая, я заодно прислушивалась, не проявится ли Многокарповна. Судя по густому запаху алкоголя возле ее комнаты, она проспит до утра. Хорошо, что наши комнаты далеко друг от друга – ее у входа, а моя рядом с ванной, так что хотя бы храп меня не донимает. Однако сколько мусора накопилось! Теперь кухня, тоже необъятная и кривая, без единого прямого угла, с выгороженной каморкой для прислуги, которую мы приспособили для сушки белья. Каморку, конечно, а не прислугу! Теперь вымыть пол, и конец уборке.

А это откуда? На моем столе красуется банка растворимого кофе. Я его не покупала, и даже марки такой не знаю – «Flogin». Неужели Многокарповна расщедрилась? Давненько она меня ничем не угощала! Надо же, никак от нее не ожидала... Должно быть, свидание на нее подействовало благотворно. Как пахнет! В жизни не встречала такого ароматного кофе. Может, соседка случайно оставила банку на моем столе, тем более что она не запечатана фольгой, а просто закрыта крышкой? Оглянувшись, я прикинула обычные перемещения Многокарповны по кухне – нет, мой стол втиснут в самый угол, случайность исключается. К тому же

в старом застекленном буфете у соседки в ряд стоят три такие же банки, солидно поблескивая золотыми наклейками, похожими на старинные монеты. Наверное, она их по акции купила, или подарил кто... Все равно спасибо, кофе у меня нет, дешевый не люблю, а пить дорогой средства позволяют редко.

Что ж, могу быть собой довольна, выполнила почти всё, что намечала. Стоя под душем, я вспоминала сегодняшний день. Странное какое-то получилось начало отпуска! Столько происшествий, новых случайных лиц, эмоций, сильных и не всегда приятных. Нет, а с чего это я так удивляюсь? Почти два месяца курсировала на работу и домой как трамвай по рельсам, и теперь удивляюсь – а жизнь-то, оказывается, идет! Вон сколько нового даже у моих знакомых – Фелиция утвердилась на работе и продвинулась по службе, Марьяна нашла занятие, которое ее захватило целиком. Как она сказала? Писала свою героиню с меня? Я оставила допитую чашку кофе, плотнее запахнула махровый халат и подошла к зеркалу.

Комната светилась мягким светом – проглянуло солнце, должно быть, сейчас часов десять вечера, и оно повернуло на север. Зеркало бесстрастно продемонстрировало мое отражение. Волосы, пожалуй, каштановые, лицо маленькое, довольно бледное, глаза грустные... Нет, отчего я-то попала в героини романа? Хм, интересно. А я ведь совсем ничего не знаю о своих предках! И что связывает мою семью с теми Потуриными, о которых пишет Марьяна?..

А это что, Многокарповна пробудилась? Топают так, что пол трясется. Зачем она встала? Обычно, крепко поддав, она до утра не показывается. В кухне гремит. О-о, голос подала! В таких случаях по телевизору включают «пи-и-и». Переждем. Нет, что-то уж очень долго, может, она день с ночью перепутала, думает, сейчас утро? Может, кофе свой разыскивает? Сейчас объясняться с ней – себе дороже, сделаю это завтра. Я походила по комнате, присела на диван. Нет, это невыносимо!

Я открыла крышку пианино, села на вращающийся стул. Посидела пару минут, зажмурившись. Нет, не замолкает. Некоторые люди в подпитии становятся мягче, но это не тот случай. Со вздохом открыв первые попавшиеся ноты, я начала играть. Что тут у нас? Третья часть «Патетической» сонаты Бетховена, рондо до минор.

Самые известные Бетховенские сонаты никогда не дают играть при обучении, как в художественных колледжах не задают копировать «Джоконду». Говорят, она и не поддается копированию. Так и в музыке. Конечно, иногда играют самые способные, но это, скорее, проба на талант. И очень редко кто этой пробе может соответствовать. Но для себя играть никто не запретит! И если даже сыграть медленно, без всякого выражения, то внутри все равно остается ощущение не то взрыва, не то полета.

Но сейчас был взрыв! Я молотила по клавишам изо всех сил, выколачивая из бедного старого инструмента всю мощь, на которую он был способен, перекрывая рев Многокарповны. Она вопила, как баржа в тумане, к нашему концерту добавился стук по батареям. Даже наши многотерпеливые соседи не выдержали. Но я не сдавалась. До минор – самая Бетховенская тональность, и вот, вот! В конце, после небольшого жалобного затишья, как удар судьбы – последний аккорд, изо всех сил! И ногой по педали топнуть с размаху!

Сначала до меня не дошло, что это. Не то железкой по батарее, не то автомобильная сигнализация под окном. Похолодев, я поняла, что это зазвенело само пианино. Наверное, лопнула струна. Или даже сломалась педальная стойка. Присев на корточки, я поддела планку, удерживающую тяжелую панель, закрывающую нижнюю часть инструмента. Струны целы. Педали, кажется, тоже действуют. Тогда что звенело? Я провела рукой по пыльному днищу, и пальцы наткнулись на что-то прохладно-металлическое. На моей ладони лежало совершенно незнакомое кольцо. Большое, увесистое, светлого металла. В центре его расположился белый, с острыми лучами крест. Чье оно? Померив, удивилась – какое неудобное! Круглая часть, что вокруг пальца, такая толстая, что пальцы растопыриваются. А размер не сказать, чтобы большой. Мне хоть свободно, но вполне подходит. Для мужчины будет маловат, а женщине

оно точно не предназначено. А проба какая? Ни внутри, ни снаружи ни знаков, ни цифр нет. Может, это и не серебро? Желтоватое какое-то. Не золото, точно. Может быть, на заказ сделано, и поэтому нет пробы? Взвешивая его на ладони и удивляясь его тяжести, я пыталась понять главное – откуда оно взялось в нашем старом пианино?

Воспользовавшись тем, что всегда темный угол сейчас освещало низкое полуночное солнце, я поднырнула под инструмент и снова раскрыла его внутренности. Обнажилась застарелая слежавшаяся пыль, чугунная бронзированная рама, ровные ряды витых натянутых струн. Это что? Мои пальцы наткнулись на квадратное углубление в одной из деревянных деталей корпуса. На дне его лежал пыльный бархатный мешочек, маленький, по размерам кольца. Больше ничего нет.

Вообще тайник в пианино – это всем известное место, сразу представляешь себе, как революционные матросы делали обыски у буржуев. Но этот инструмент не то пятидесятых, не то начала шестидесятых годов, где-то имеется паспорт на него. И куплено оно было на юге, вон, марка «Кубань» под пюпитром красуется. Покупал его дед. Это точно. А потом дед умер. Сколько лет мне было? А пианино у нас стояло! Другое, не помню марку, более современное, коричневое, компактное. И потом привезли это. Зачем, вот главный вопрос? Тащить за тридевять земель, поднимать на высокий этаж, причем без лифта – у нас в доме нет грузового, притом, что есть другое пианино! Так что же получается, это всего лишь футляр? Для колечка? Которое нельзя носить?

Я еще раз поднесла его к глазам. Окружность кольца, массивная и выпуклая, была слегка ребристой, словно прочерченная бороздками. Большой белый крест, острые концы, как ласточкин хвост. Сам крест словно вдавлен внутрь, а сверху будто налита краска. Как это называется? Вспомнились анфилады Эрмитажа, залы средневекового искусства, пожилая тетенька – экскурсовод, вязанная вручную растянутая кофта, очки с толстыми линзами, слабенький голосок: «В технике перегородчатой эмали»... Вот! Именно так это и выглядит. Я взяла в руки мешочек, разглядывая его, даже понюхала. Пахнет пылью, больше ничем. Вывернула его наизнанку – только и особенностей, что сшит вручную, а не на машинке. Что же мне с ним делать? Возьму-ка я свою находку завтра к Марьяне, то-то удивится! Скажет, что во всем была права и эта девица – как ее? – Ираида? – с меня писана... Вот ерунда-то! Подумаешь, фамилии похожи. Туринова – вовсе не редкая фамилия, даже есть такой писатель, полный папин тезка, Валерий Туринов, кажется, фантастику пишет. Фантастика и есть. Более обыкновенной жизни, чем у меня, и не придумаешь. Драгоценности какие-то! Да если они и были, так пропали двести лет назад. И вообще, поздно, спать пора ложиться...

До сих пор не уgomонится Многокарповна, с чего она сегодня так расходилась? А как всё начиналось! Интересно, стало бы мне лучше, если бы рядом со мной начала жить парочка молодоженов в лице моей соседки и ее утреннего толстячка? Я его видела только издали, в полутьме, но их силуэты четко вырисовались на светлом проеме двери. Он маленький, во всяком случае, по сравнению со своей дамой сердца, кругленький, и как показалось, вполне приличный.

Вроде стало тише. «О, голубка моя», зазвучала в голове утренняя мелодия. Что-то латиноамериканское, наверное, из старого музыкального фильма...

Потом легкая, изысканная музыкальная тема стала сначала более грустной, потом беспокойной, потом побежала быстрее, понеслась потоком, каждый раз доходя до мощного, почти яростного всплеска, снова сменяясь одной и той же грустной, беспокойной темой, щемяще знакомой. Я поняла – это моя жизнь, а возвращается она все время к одному и тому же, потому что это построение в форме рондо. Рондо – это круг, из него нет выхода, он замкнут, как кольцо, как кольцо, которое нельзя носить... Но перемены в жизни есть, в музыке это называется эпизод, там может быть все, что угодно – новая тема, новая тональность, новые образы. Но что бы ни было, всё опять обрывается, и снова – рефрен, один и тот же, разве что с небольшими

вариациями. Снова и снова, бег по кругу... Потом звук стал видимым, отдалился, превратился в цветные огни на бархатно – черном фоне, как заставка на компьютере. Нет, это реальность, это на самом деле. Это не замкнутые круги, это спираль, которая поднимается вверх, она так высоко, что отсюда грустная беспокойная тема кажется одной из многих и многих, переплетающихся в бесконечности. Потом с высоты резко вниз, так резко, что дыхание перехватило, и страх, и отчаяние, и в то же время жалость к себе и всем этим разноцветным огонькам, и лица, лица замелькали, закружились... Маленькие, сухонькие ручки Марьяны, торчащий облеслый хвостик на макушке Многокарповны, чужая черноволосая голова почти у меня на коленях, монетки у меня под ногами, лысый, подмигивающий: «Ну что, к тебе?», кругленький силуэт в конце длинного коридора, узкое лицо с взлетающими бровями, знакомое, мучительно знакомое; на него наплывает пористое, темное, длинное, с ошеренными зубами... Музыка становится громче, плотнее, вещественнее, она давит, она заставляет. Нет, не заставляет, приказывает – открой ты глаза, прозрей наконец, всё же так понятно! Оркестр, tutti, все инструменты звучат одновременно, дирижер, руки у него красивые, как у Гергиева, властные, всё ему подчиняется, вот самый мощный аккорд, я это знаю, это уже было, партитура, название, какое!?

Ф-фу! Я, скинувшись, села на диване, дрожа всем телом. За окном грохотал гром, но его перекрывал оглушительный треск тяжелого мотоцикла. Это в первый раз за ночь опустили Тучков мост, и скопившийся на той стороне Невы транспорт радостно ринулся через него, делясь на несколько рукавов. А гром действительно гремит, и дождь идет. У меня форточка открыта, потому так слышно.

Прикрыв ее и поправив штору, чтобы не проникал белесый свет, я свернулась калачиком под одеялом. Ну и приснилось же! Фелиция бы мне живо всё по полочкам разложила, сразу бы определила мой диагноз. Как все перемешалось, до сих пор дрожь не утихает. А рондо из «Патетической» есть в оркестровой обработке? Только это уже и не рондо было, хотя рондо – это часть того, целого. Я же название видела! Там, у дирижера, на партитуре! Какое-то странно канцелярское, что-то встречающееся в документах, в договорах. Страховка, что ли? Нет, не так. Страхование? Тоже нет... И лица, лица! День был очень насыщенный, вот что.

Но одно лицо было ярче других: брови вверх, узкие скулы, тяжелый нос, крупные губы. Я слишком хорошо знаю это лицо!

Накинув на плечи одеяло, включила настольную лампу и застыла перед портретом. Неужели так бывает? Или это всего лишь желаемое, которое мое услужливое воображение выдает за действительность? Слишком часто я смотрю на него, вот и померещилось разительное сходство там, где его вовсе нет. Да ведь я почти и не смотрела на того парня, что сидел у кабинета Фелиции, мешал его неотрывный взгляд. Я вытащила с верхней полки стеллажа старый художественный альбом с репродукциями, купила его года три назад на книжном развале. Помню, как обрадовалась, узнав лицо с портрета! Небольшого формата, большинство репродукций черно-белые, только некоторые напечатаны в цвете, «Из собраний областных музеев».

Вот он. Точнее, вот они. Парные портреты – герцог Козимо II и герцогиня Медичи. Пролистав, нашла краткое описание: «Из коллекции купчихи Мамоновой. Поступили в фонды музея в двадцатых годах. Работы Юстаса Сюстерманса».

Чуть помедлив, снова открыла портреты. Сколько раз я разглядывала их! У молодой герцогини в короне вполне современный вид, из-под короны выбиваются легкие прядки. А вот герцог в нынешнюю жизнь вписывается плохо. Такие лица исчезли вместе с эпохой Ренессанса. Когда в детстве я рискнула показать этот портрет Фильке, она оказалась верна себе. Едва взглянув, залилась смехом на несколько минут: «Ой, не могу! Он на черта похож! Ему бы рожки еще!» Ну да, чего от нее ждать, тем более что в коридоре на двери одной из кладовок, принадлежащей нашей соседке-театралке, висела афиша спектакля «Фауст», где лицо составлено из двух половин – одна человеческая, а другая... Как бы это помягче сказать? Вот та половина лица и была похожа. На кого? На герцога Медичи или на того парня из клиники?

Что я так размечталась среди белой ночи! Видела молодого человека несколько минут, да и не разглядела как следует, не решалась поднять на него глаза. Почему он так смотрел – не знаю, может быть, спутал с кем-то, или не мог понять, что такая невыразительная девица забыла в этом подводном царстве гламура. Тапки мои потасканные рассматривал или серый мешок под названием «Аскольдова могила». Или мои совершенно не загорелые ноги его поразили, может, он и забыл, какой бывает в Питере у людей нормальный цвет кожи, сам-то вон какой смуглый. В солярии такой цвет не получается, надо несколько недель провести у моря, причем не самозабвенно жариться до полусмерти, как у россиян принято, а по-европейски, слегка.

И главный вопрос – что он там делал, у приемной психолога в косметической клинике? Конечно, мужчины сейчас тоже много внимания уделяют своей внешности, и ботокс, говорят, колют, с морщинами и лысынами борются. Но этому что надо? Может быть, он губы накачивал и теперь недоволен результатами? Я невольно хмыкнула и завернулась в одеяло плотнее. Нет, придется позвонить Фелиции и попытаться расспросить подробнее. Омолаживаться ему рано, он никак не старше меня; кожа гладкая, безупречная, ни пятен, ни прочих дефектов. Ну, это я не туда заворачиваю! Может, ему какая-нибудь родинка мешает, да мало ли! Сидела же сама у той же двери, тоже, получается, на прием к психологу. Филя об этом и говорила, когда позвонила вечером, как этот молодой человек спрашивал, что я тут в клинике забыла. А у него может быть шрам или рубец после операции, или – вот! – татуировка! Решил, к примеру, попасть на работу в престижную контору, а во многих компаниях введены запреты на любые татуировки и пирсинг.

Хватит гадать, все равно ничего не узнаю. Ну, пробыли мы вместе с ним несколько минут между одних и тех же колонн, пару раз встретились глазами, и что? Никогда в жизни я его больше не увижу. В Петербурге до семи миллионов людей, включая тех, кто живет в пригородах и ездит на работу и обратно каждый день, плюс приезжие. Может, он приехал откуда-то? Вполне! Сейчас пик белых ночей, туристов в центре города и по дворцовым пригородам носятся толпы.

Белые ночи... Вот и Марьяна жаловалась, что спать не может, оттого и выглядит плохо. Скоро и я так буду выглядеть, если спать не стану! Только никому до этого дела нет, даже мне самой... Опять машины помчались, это что уже, второй развод Тучкова моста закончился? Почти пять утра, за день нужно немало сделать, и к поездке подготовиться, и к Марьяне сходить, и почту, почту посмотреть! Вдруг там есть приглашение на собеседование для работы, а я тут себя не то мучаю, не то тещу всякой ерундой.

Загорелый... Может, иностранец? Вид у него не совсем российский, чем-то он неуловимо отличается. Нет, Фелиция это заметила бы по акценту, по выговору, даже по интонации, она бы такую деталь не пропустила. Я отчего-то вспомнила бутылку коньяка рядом с моими покупками. Тоже ведь загорелый! И в моем сне он был. Лысый. Точнее, с наголо обритой головой. Зато в гости набивался. Если опять-таки не спутал меня с кем-нибудь. Хватит, надо перестать перемалывать одно и то же, еще всплывет снова та рожа с зубами... Тоже темная... Ну и компания... Почему компания?..

Глава четвертая Agile allargando (бегло, проворно, затем успокаиваясь)

Проснувшись и посмотрев на часы, я испуганно вскинулась – почти девять часов, сначала мелькнула мысль – проспала, потом с облегчением вспомнила, что начался отпуск. Преодолев острое желание выпить кофе из злополучной банки, я вернула ее на стол к Многокарповне – незачем испытывать судьбу, хватит с меня и вчерашнего скандала. Теперь надо определиться – что делать с найденным кольцом?

Здесь вариантов нет, его необходимо показать Марьяне. Памятуя о вчерашнем происшествии в маршрутке, я забеспокоилась: куда бы его положить, чтоб не беспокоиться о его сохранности? В нагрудный кармашек куртки? Нет, топорщится. Затолкав кольцо в мешочек, я не нашла ничего лучшего, чем положить почти круглый тяжелый комок во внутренний карман сумки, застегнув на молнию. Вот ведь морока с ценными вещами! Пожалуй, у богатых людей есть немало забот, о которых нам, простым смертным, и думать не приходится. Ну, хоть какой-то плюс. Хотя с чего я вообразила, что оно дорогое? Может, цена ему не больше, чем стоимость серебряного лома.

Выйдя на улицу, я едва не столкнулась с худеньким парнишкой в натянутом на лицо капюшоне. Он держал в руке пачку рекламных листовок и молча протянул мне сразу несколько. Я машинально взяла их, думая о своем, и только потом взглянула на невзрачный листок. «Ломбард на Введенской. Покупка, залоги под невысокие проценты, бесплатная оценка стоимости изделий из драгоценных металлов, бытовой техники, ювелирных украшений». Это что же получается – на ловца и зверь бежит? Продавать, конечно, я не собираюсь, но оценить было бы полезно. Неловко окажется, если я с торжеством притащу Марьяне какое-нибудь кооперативное изделие, сработанное в Ленобласти лет двадцать назад. А в пианино оно попало совершенно случайно, или мой отец спрятал сувенир в память о какой-нибудь интрижке. Зная его непостоянство, я этому нисколько не удивлюсь. Поэтому я сделала небольшой крик и через несколько минут зазвенела колокольчиком у входной двери ломбарда.

В тесном темноватом помещении из небольшого окошка за стойкой выглядывала нестарая еще тетенька, густо увешанная цепочками с самыми разнообразными подвесками. Подняв на меня сильно подведенные глаза, она молча смотрела несколько секунд, потом нехотя открыла рот, но я ее опередила:

– Вот, посмотрите! – и, порывшись в сумке, протянула ей мешочек, потом, спохватившись, вынула из него кольцо и подала ей. Тетка взяла его в руки, удивленно приоткрыв губы, поднесла поближе к лицу, повернула пару раз, и глаза ее сузились. Она выпалила скороговоркой, наклоняясь куда-то под стойку и доставая пару листов с мельчайшим текстом:

– Заполняйте там, где стоит галочка. Да быстрее! – она с неожиданной злостью подтолкнула ко мне ручку на длинном грязноватом шнурке. – Мне закрываться на технический перерыв!

– Что это? – нерешительно протянула я, безуспешно пытаюсь разобраться в сплошном поле текста.

– Договор! На экспертизу! Больше пятнадцати тысяч дать не могу, и не просите. Да вам нигде больше и не дадут – пролаяв эти слова, тетка вырвала у меня из рук листки, сунув взамен документа стопочку тысячных купюр и с грохотом опуская прозрачный щиток над стойкой. – Толя, закрывай!

Тетка унеслась куда-то в глубину здания, только кресло ее завертелось. Ошеломленная скоростью, с которой вся эта операция осуществилась, я вышла на улицу, и еще пару минут простояла под дверью, которую запер за мной охранник. Нет, чего я боюсь, ломбард этот дей-

стует сколько себя помню, немало знакомых студентов перехватывали немного денег, когда становилось туго. Но по дороге к дому Марьяны я все сильнее терзалась сомнениями, и под конец бежала едва ли не стремглав. Еще раз прокляв свою неспособность запоминать цифры, я нажала на кнопку вызова в телефоне на номере Марьяны:

– Доброе... утро... Вы не могли бы мне... сами... двери...

Умница Марьяна не стала задавать лишних вопросов, и встретила меня у открытого парадного.

– Что стряслось? – ее пальцы сминали воротник светлого плаща.

– Я... В общем... Кольцо нашла... с крестом... а его... а она...

– Где нашла? На улице?

– Нет, дома, вчера, в пианино... В общем, оно там – я мотнула головой в сторону, где находился ломбард, но Марьяне от этого кивка не стало яснее.

– Ничего не понимаю!.. Какое... Какой крест?!

– Такой... белый, четырехконечный! Как ласточкин хвост!

Марьяна, ахнув, схватила меня за руку с неожиданной силой и приказала:

– Веди! По дороге все расскажешь!

Мы понеслись с нею к ломбарду, все так же держась за руки. Должно быть, со стороны мы смотрелись странно: растрепанная барышня с пунцовыми щеками и немолодая изящная дама, в хорошем плаще, тщательно причесанная, но в комнатных туфлях.

Спешили мы не зря. Охранник уже перевернул табличку на двери надписью «Закррито» наружу, и опускал металлические жалюзи на окна ломбарда. Марьяна, ни о чем не спрашивая, едва не толкнула его, ворвавшись внутрь. Охранник, опешив на мгновение, рванулся за ней следом, захлопнув дверь перед моим носом, и мне ничего не осталось, как только беспокойно переминаться с ноги на ногу, прислушиваясь к голосам, доносящимся из недр ломбарда. Судя по всему, перепалка там разгорелась нешуточная:

– Я сейчас милицию вызову! – это, похоже, кричит та тетка в цепочках, и охранник тоже подает голос, только не с таким самозабвением и уверенностью, так что звучит он несколько нетвердо. Но голос Марьяны перекрывает их:

– Да-да, непременно милицию, и поскорее! А еще налоговую службу и комитет по защите потребителей!

– Вы, дама, не хулиганьте, ваша – кто она там – сама, добровольно продала вещь, и все, что нужно подписала!

– Подписала? А ну-ка покажите мне вашу филькину грамоту! Где это видано... – спорящие, похоже переместились в сторону, и звук стал гулким, неотчетливым – ...я до Страсбургского суда дойду, если вы не вернете эту вещь! Впустите девушку немедленно! Иначе я звоню по прямому проводу в приемную президента!

Не знаю, что больше возымело действия – суд по правам человека в Страсбурге или президентская приемная, но дверь приоткрылась, и я ринулась на помощь Марьяне.

– Она деньги взяла! – с неприкрытой ненавистью указала на меня толстым пальцем тетка.

– Сама взяла? Или вы их подсунули вместе со своим липовым договором? – глаза Марьяны пылали таким огнем, что даже эта выдавшая виды приемщица пошла на попятный.

– Да подавитесь вы... – пробурчала она, скрываясь вместе со своей сумкой куда-то в служебном помещении, и возвращаясь с кольцом, зажатым в кулаке. – Забирайте свое барахло, никто вам за него ломаного гроша не даст... Деньги отдай! – рявкнула она, не глядя в мою сторону.

– Вот, возьмите... – протянула я стопочку купюр, которые приготовила, еще стоя на улице. Приемщица схватила их, не пересчитывая, и сунула в руки Марьяне кольцо, уже разворачиваясь, чтобы скрыться в глубине ломбарда.

– Проверь! Проверь, то или не то, от них всего ожидать можно! – прикрикнула на меня непохожая на себя Марьяна.

– Кажется... Да, оно! Точно оно! – словно оправдываясь, зачастила я, рассматривая обретенную заново вчерашнюю находку и торопливо следуя за Марьяной в сопровождении хмурого охранника.

Ни на кого не глядя, мы покинули поле битвы. Только отойдя на квартал, Марьяна с сияющими глазами повернулась ко мне:

– Как мы их! Дай-ка взглянуть, за что такая война была.

Она нетерпеливо поднесла к глазам нашу добычу и восхищенно заахала:

– Ну, девочка, ну, Риммушка! Это надо отметить! Пошли скорей! Где ты его нашла, в пианино? Ну-ка, еще разок, как все было?

Вернулись мы едва ли не быстрее, чем неслись туда. Стаскивая с себя плащ, Марьяна скомандовала:

– Иди в комнату, я сейчас!

Она вернулась с бутылкой «Театрального» и двумя высокими узкими бокалами.

– Ты умеешь открывать шампанское?

Помаявшись над оберткой и открутив проволочку, я, затаив дыхание, отпустила пробку и разлила вино в бокалы.

– Лихо справилась! – воскликнула Марьяна, поднимая свой бокал – пианистка, пальцы сильные! Ну, за надежды, за мечты, за открытия!

Я отпила пару глотков. Марьяна уже отставила в сторону недопитое шампанское и нетерпеливо поглядывала на мою сумку. Я положила кольцо в ее протянутую руку.

– Ого, какое тяжелое! Да... он самый, мальтийский крест... Какая работа!

Лицо маленькой дамы раздумянилось, не то от волнения, не то от выпитого. Она достала из шкафа лупу в прозрачном футляре и снова принялась разглядывать кольцо. Я через плечо безуспешно пыталась рассмотреть его, но руки у Марьяны ходили ходуном, и я оставила эти попытки. Она, как и я, примерила его, тоже удивившись:

– Смотри-ка, такое массивное, крупное, а размер внутри небольшой, очень уж толстое оно в окружности. Как его можно носить, если пальцы растопыриваются? Нет, это не кольцо... Но как тебя-то угораздило? – укоризненно развела она руками. – Ты, всегда такая рассудительная, такая умница-разумница! Я такими словами маму твою уговаривала, когда она не решалась тебя оставить одну в семнадцать лет! Как тебя занесло в этот ломбард?

– Сама не знаю... Нет, знаю – мне рекламную листовку вручили при выходе из дома...

– Кто вручил, ты его раньше встречала?

– Н-нет... Какой-то промоутер... Кажется, он и вчера там стоял. Но... – я запнулась, вспомнив, как накануне вечером бурей ворвалась в парадное после треволнений насыщенного событиями дня. – А чего он там стоял? Метро с другой стороны, там народу много, а у нас только свои проходят...

– Да-да, странно... – эхом отозвалась Марьяна, слушая вполуха. – Может быть, это печать? – и снова принялась рассматривать находку, задумчиво заключив: – Не похоже, у печаток более рельефный рисунок, а если с этой вещицы сделать оттиск, крест будет еле заметен, вот, попробуй, как гладко – она с видимым сожалением отдала его мне вместе с лупой, тут же склонившись над моими руками.

Я впилась глазами в круглое окошечко лупы: желтовато-белый металл, четкий белый крест, сантиметра два с половиной в диаметре. Окружность ребристая, тоже покрытая рядами мелких металлических зернышек, перемежающихся парными гладкими, блестящими полосами. Снова примерила, предположила:

– А может быть, оно для большого пальца? Как у Пушкина на портрете?

– Нет, девочка, тут другое. Боюсь даже предполагать, но этот предмет очень похож на тот, описание которого, правда, смутное и неопределенное, я встречала во время архивной работы. У меня даже была первоначальная версия, я ее начала расписывать, в компьютере у сына должен остаться тот, первый вариант. Но эта сюжетная линия уводила меня вообще в сторону от семейных дел Потуриных., а тем более, от Кутайсова. Конспирологические сюжеты мне, боюсь, не по зубам. Но... между нами... только у меня чувство, что мы не зря так торопились или тебе это тоже кажется?

Я кивнула, открыла рот, чтобы вставить словечко, но Марьяна меня перебила:

– Очень смахивает на то, что приемщица либо сама унюхала нечто необычное, либо у нее есть совершенно определенный заказ, причем на очень выгодных условиях. Либо это что-то сугубо личное. Поверь, у нее неплохое место работы, и так грубо нарушать правила приемки она стала бы только в исключительном случае.

Марьяна вскочила, едва не задев столик на колесах со стоящими на нем бутылкой и бокалами, и словно опомнилась:

– Что это я... Хватит беготни! – она с явным сожалением сняла с руки подобие кольца, сунула мне его в руки и сказала: – Предлагаю как следует позавтракать, заодно выпить еще по глоточку, и отправиться куда-нибудь на воздух... Погода наладилась, грех в четырех стенах сидеть. Заодно и поболтаем про Павла и его времена!

Она уже направилась в кухню, но круто развернулась обратно:

– Я от этих треволений точно не в себе... Давай в первую очередь о материальном. Вещицу эту надо куда-нибудь пристроить на хранение... Я, кажется, знаю, куда. Сейчас схожу и все уточню. И второе – деньги. Тебе нужны деньги, я правильно понимаю?

– Ну, да... – с неохотой отозвалась я. – Отпуск у меня длинный, а отпускные маленькие... Я вот опять вчера не посмотрела свою почту, вдруг там какая вакансия на лето... В смысле подработка.

– Ты можешь войти с моего ноутбука... Я, может быть, немного задержусь... Адрес своей почты помнишь? – спросила она через плечо, открывая крышку секретера, встроенного в полированную мебельную «стенку», и превращая ее в письменный стол.

– Конечно. Я только цифры плохо запоминаю...

– Да? Я такого не замечала за тобой – заметила Марьяна, подключая ноутбук и подвигая к секретеру стул. – И как ты из положения выходишь?

– Записываю – пожав плечами, я устроилась на стуле.

– И важные коды тоже? Прости, после сегодняшнего приключения у меня разыгралось воображение. Что, если эта подозрительная приемщица... или еще кто... решат поинтересоваться на предмет ценностей у тебя в квартире? Адрес-то ты в договоре указала? А коды и прочие персональные данные...

– Да я их не цифрами записываю! А нотами или интервалами.

– Как это? – весело удивилась Марьяна.

– Ну, это просто... Можно вообще нотами, до – один, ре – два, и так далее. Вот ваш код на входной двери – ре, ми, ля, или 236, теперь я его запомнила. Но это если цифры от одного до семи и нет нуля. А можно интервалами, по количеству тонов: прима – 0, секунда – 1, терция 2, хоть обозначениями их писать, хоть нотами на нотном стане... Еще хорошо римскими цифрами записывать, удобно для кредитных карт. Там можно по две цифры объединять...

– Как это? Покажи – заинтересовалась Марьяна.

– Да вот, смотрите – на экране ноутбука уже загорелась заставка, и я продемонстрировала: – Вот... Например, код моей карты 1856. Делим пополам, получается XVIII LVI. Выглядит как набор заглавных букв. Или вот, код вашего парадного, те же 236, только буквенными обозначениями нот – получается d-e-a. Все просто!

– Ну, будем надеяться, что никто твоей квартирой на предмет ценностей не заинтересуется... – задумчиво рассматривала Марьяна мою абракадабру.

– Ну, их ожидает крупное разочарование! К тому же Многокарповна почти никуда не выходит.

– Хорошо сказано, твоя Многокарповна и впрямь о-очень крупное разочарование! – проговорила Марьяна с нескрываемым сарказмом. – Но она же за продуктами выходит?

– Почему-то только под утро, в круглосуточный магазин.

– Отчего так? Круглосуточные дороже, а, насколько я помню, у нее со средствами не очень.

Я пожала плечами.

– Это не единственная странность. А с деньгами у нее стало значительно лучше, по покупкам видно. Может, помогает кто-нибудь из родственников.

– Вот как! Я почему-то считала, что после смерти дочери у нее никого нет. Ну, что ж, пусть сидит, охраняет, как дракон волшебную пещеру. Ну, занимайся... Если что, зови.

Я вошла в свою почту. Итак, два письма. За месяцы, прошедшие со времени моего последнего выхода в сеть, улов негустой. Посмотрим, какую работу мне предлагают.

Хм, первое письмо на английском. Я направляла резюме в Аничков дворец, в дом детского творчества, с каких это пор для работы аккомпаниатора стал требоваться английский? Может быть, иностранные детские группы по дворцу водить? По-английски я максимум могу объяснить дорогу старичкам-туристам в центре города.

Смысл в общем-то понятен; кто-то разыскивает родных в России. Ах нет, это не он сам, это, надо понимать, адвокат... Циферки, ого, много! И прописью – five millions and ninety thousands dollars. Чего уж там мелочиться!

– Марьяна Георгиевна, а вот это... вот, lawyer, это юрист? – подняла я голову от компьютера.

– Где это? – она подошла ко мне, заглянула через плечо. – А, письмо счастья! Сыну тоже такие приходили не раз. Как они находят персональные данные, не представляю! Что там, наследство от бабушки из Ниццы? Сколько там миллионов?

– Пять, даже больше.

– Сумма растет! Если клюнуть на этот крючок, придет предложение сначала оплатить налоги на наследство, потом появятся непредвиденные расходы, потом предложат перечислить на технические операции, на заработок персонала... И так до бесконечности. А ты куда свои данные отправляла?

– В Аничков, в дом детского творчества.

– Что, уже взялись за специалистов по детскому дополнительному образованию? Да... Пойду-ка я займусь салатом.

Я кивнула, не отрывая глаз от экрана. Что тут в другом письме?

Это на русском, уже радуется.

«Уважаемая госпожа Туринова! Я обращаюсь к Вам по поручению моего клиента, имя которого я сообщу Вам позднее. Позвольте довести до Вашего сведения, что мой клиент располагает достоверными данными о том, что Ваша семья имеет родственные связи с его предками. Но речь идет не только и не столько о родственных привязанностях. Дело в том, что мой клиент владеет неким имуществом, очень значительным, часть которого, вполне возможно, принадлежит Вам и Вашим близким. Я пишу „вполне возможно“, потому что пока не располагаю доказательствами, что именно Вы, Римма Валерьевна, являетесь тем лицом, которое имеет в виду мой клиент. По словам моего клиента, Вы, уважаемая госпожа Туринова, возможно имеете в своем личном владении некий предмет, который может служить как доказательством родственных связей с моим доверителем, так и гарантировать Ваше право на получение причитающейся Вам части имущества. Детали я имею поручение объяснить Вам после того, как

Вы сообщите по адресу, указанному в конце данного письма, Ваш адрес проживания и номер телефона, по которому с Вами можно будет связаться. Разрешите уверить Вас в совершенном почтении. Поверенный в делах Чезаре Фортецца».

Это что же получается, опять облом? А где же предложения по устройству на работу? От разочарования я громко вздохнула. Марьяна вошла с полотенцем через плечо и с тарелками в руках.

– Это что?

– Да примерно то же самое...

– А что за предмет? – задала она резонный вопрос, подходя и заглядывая в текст. – Ну, предмет-то как раз объявился... Когда отправлено?

– В апреле, 30-го...

– Давненько... И что хотят? О, персональных данных!.. Знаешь, я бы на твоём месте поостереглась пока... Как-то подозрительно все... Эта находка, битва в ломбарде... Давай-ка вот что. – Марьяна решительно звякнула посудой, ставя ее на столик у дивана. – В первую очередь необходимо разобраться, что за штуку ты вчера обнаружила. Примем как рабочую гипотезу, что это все-таки кольцо, пусть и необычной формы. А раз кольцо, то лучше всего будет поинтересоваться о нем у людей, которые в этой сфере ориентируются. Подожди меня немного, я сейчас кое-что выясню.

Вернулась она и впрямь скоро, словно никуда из квартиры не выходила.

– Вот что, дорогая! Моя подруга, которая в силах нам помочь, сейчас занята, но мечтает тебя увидеть, а также может устроить встречу с проверенным экспертом по изделиям из драгоценных металлов. И спрятать эту вещичку надежно тоже есть возможность: она принимает пациентов на дому, и у нее есть сейф для рабочих записей. И квартира, кстати, на сигнализации. Я считаю это не лишним – она озабоченно покачала головой. – Ты когда уезжаешь?

– Завтра вечером... Но...

– Что «но»? Собираться тебе долго? Вот, сама головой качаешь! Зачем тебе большой багаж? Надолго едешь?

– Нет, зачем же... Илонку поздравлю, с мамой повидаюсь, и обратно...

– Ну, вот! Да помню я, в чем проблема! Тебе деньги нужны. Торопись скорее в работу впрячься, и в ломбард еще и по этой причине пошла. Подожди, я сейчас!

Она взвилась с места и вернулась из соседней комнаты через пару минут.

– Вот, держи! Это Илонке. Шикарное издание, я его еще по осени на выставке покупала, посмотри, какие иллюстрации, какая печать! – Она протянула мне подарочное издание Пушкина. – Думала своим внукам в Штаты повезти, а потом там же, на выставке, купила для них полное собрание сказок. А вот эта, «Сказка о мертвой царевне», осталась. И вообще, как мой младшенький выразился: «Это про Спящую красавицу. Для девчонок». А вот это тебе, в дорогу – она протянула мне конверт – не возражай!

– Здесь много – заглянула я в конверт. – Мне столько не понадобится. Я и своими обойдусь.

– Обойдешься – и прекрасно! Приедешь и отдашь. Ну, решайся! Мне сын на билеты выслал, а я, как ты говоришь, своими обошлась. Нет, как можно отказываться! Тут такие дела закрутились, такой роман наяву, а героиня мне все действие может остановить из-за того, что ей, видите ли, на работу не терпится! Кольцо это нашлось, и едва не исчезло из-за этой подозрительной дамочки в ломбарде, в Ригу поедешь, у матери подробности о своей семье расспросить, да мало ли... Бери сейчас же! Считаю, что это под залог кольца. Я, извини, у тебя его пока заберу, пусть у подруги в сейфе полежит. Не беспокойся, подруга надежная, и с тобой жаждет познакомиться, только сейчас занята. Так приедешь завтра с утра?

Марьяна даже задохнулась в запальчивости, выдав на повышенной громкости длинную тираду. Она слегка покраснелась, и, словно опомнившись, смутилась:

– Вот распалилась... Прости меня, девочка... Как-то с нервами у меня... От отчаяния до восторга – один шаг.

Не в силах смотреть в ее умоляющие глаза, я закивала, засовывая конверт с деньгами и книгу для Илонки в необъятную «Аскольдову могилу».

– Ну, вот... О главном договорились. А теперь мы устроим себе ланч... или бранч? Ах, неважно... Мы продолжим праздновать замечательным салатом, я научилась его готовить у моей невестки, выпьем еще по глоточку шампанского и отправимся на Крестовский. Больше года на островах не была! Там же и десертом можно себя побаловать, надеюсь, летние кафе уже открылись.

Из метро нас с Марьяной выплеснуло вместе с широким людским потоком, который только после входа в парк разделился на многочисленные рукава. Поразительно, как много питерцев, не избалованных солнцем и теплом, ринулись наслаждаться ими, несмотря на будний день. Поскорее миновав грохочущую зону аттракционов, мы углубились в аллеи с зацветающим шиповником и пионами на клумбах. Везде, где позволяло пространство и планировка, раскинулись бледные тушки горожан, самозабвенно раскрывшихся навстречу даровому витамину D. По краснопесчаным дорожкам неслись дети на самокатах, подростки на скейтах, и представители всех возрастов, вместе взятых, оседлавшие велосипеды. Передвигающихся на своих двоих, а также сидящих на скамейках, а еще больше на стульях за столиками летних кафе, имелось во множестве. Марьяна, в первые минуты радовавшаяся такому многолюдству, постепенно озаботилась:

– Ничего себе... Сколько народу, не протолкаться... Я ни одного свободного места не вижу. А как же наш вожделенный десерт? И поговорить в такой толпе нет никакой возможности...

Вздвогнув от пронзительного сигнала, я оттащила Марьяну в сторону, и нас окатило оглушительно громкой музыкой, доносящейся из раскрашенного фанерного паровозика с вагонами, катающего родителей с детьми.

– На глухих, что ли, рассчитано? – недовольно поморщилась Марьяна, стряхивая с рукава белой кружевной блузки листья, зацепившиеся с куста, ограждающего дорожку. – Неужели своих мультиков мало... И тут Дисней... А что за музыка, такая знакомая? – обернулась она ко мне.

– Чайковский, «Спящая красавица» – рассеянно ответила я, оглядываясь в поисках свободных мест. – Там весь мультфильм под музыку из балета. Вон, столик свободный!

– Так ведь это пивной ресторан! – решительно отказалась Марьяна. – Давай еще пройдем.

– А если дальше вообще ничего не будет? Это уже далеко от входа, людей все меньше.

– Ну... Если еще пройти, там близко другой выход, может, попадется что... – несколько неуверенно и уже устало предложила Марьяна.

Она оперлась на мою руку и пошла медленнее, как-то обреченно полуприкрыв глаза и глядя себе под ноги. Я вертела головой в надежде отыскать место, где можно будет ей отдохнуть, и удача смилостивилась над нами: за одним из поворотов аллеи обнаружилось крохотное летнее кафе, всего на пять-шесть столиков под круглыми тентами, укрепленными на стойке посреди каждого пластмассового стола. Здесь устроились в основном семьи с детьми, и за одним из столов пустовали два кресла, тогда как еще два из обычных четырех переместились к столу, занятому большой и шумной компанией.

Усадив Марьяну, я немного замешкалась, наблюдая за ее бледным и словно опустошенным лицом. Она замерла, прикрыв глаза, но тут же глубоко выдохнула и, словно встрепенувшись, огляделась по сторонам:

– Как здесь заказ сделать? К нам подойдет кто-нибудь или надо самим?

– Давайте схожу к стойке – привстала я со своего стула. Но моя опекунша решительно поднялась сама:

– Ну, нет... Я тебя вытащила, навязалась к тебе в компанию, да еще и заставлю делать заказ? Как ты думаешь, мороженое, которое вон тот малыш уплетает, вкусное?

Она пошла, лавируя между столиками, а я повернулась лицом к дорожке, прячась от непривычно-жгучего солнца. Оно било мне в глаза, поэтому я сразу не заметила, что недалеко от кафе стоит человек, показавшийся мне знакомым. Одет он был так же, как огромное большинство молодых (или не очень) людей, встреченных нами по дороге в парк: шорты, расстегнутая рубашка поверх футболки, на голове бейсболка и темные очки в поллица. Но что-то его отличало от множества людей в беззаботной толпе – то ли ухоженный вид, то ли некоторая солидность в поведении. Вместе с этим я готова была сама себе поклясться чем угодно, что это тот самый тип, который пытался навязаться ко мне вечером возле супермаркета. Мало того, краем глаза я не раз ловила его присутствие в толпе на входе в парк и дальше по всему нашему с Марьяной пути следования. Его глаз под очками я не могла видеть, но лицо его было обращено в сторону столиков. Он присел на постамент таблички с указанием маршрутов и явно никуда не собирался уходить.

– Тебе кофе или сок? – Я не сразу поняла, что это Марьяна вернулась и стоит за моей спиной. – Пить что ты будешь?

– А-а... Мне все равно – спохватилась я. Марьяна кивнула, скрываясь, и через минуту вернулась, сев напротив и с удовольствием оглядываясь: – Сейчас заказ принесут.

Пока официантка расставляла чашки и креманки на столе, я старалась не смотреть в сторону указателя. Но, уже взяв в руки ложечку, не удержалась: вчерашний несостоявшийся прожоратый сидел на прежнем месте, непринужденно развалившись и скрестив руки на груди.

Марьяна попробовала мороженое, пригубила кофе, и заметила, впрочем, без всякого неудовольствия:

– Да, явно не авторская кухня. Но зато светит солнце, люди веселятся, и пахнет шиповником. Это уже повод для радости. А еще я могу поговорить с тобой о том, что меня занимает почти целиком вот уже много месяцев.

– О Павле первом? – спросила я, заранее зная ответ. – Но ведь вы же не думаете, что наша семья... как бы это... происходит от какого-то потомка Павла?

– Внебрачные дети Павла Петровича известны, у него их было как минимум двое. Старший сын, если мне не изменяет память, прозывался Степан Великий, он родился еще до женитьбы будущего императора, матерью его стала некая дама, старше его годами. Тогда существовала такая практика: покладистым дамам поручалось обучать юных отпрысков знатных фамилий умениям действовать в интимной обстановке; впрочем, такие сведения всегда неточны, плюс искажаются со временем. Другим внебрачным ребенком Павла была девочка, которая родилась уже после его смерти. Имя матери точно неизвестно, называются разные дамы, но для нас это не существенно.

– Уже хорошо, что не от Павла... – пробормотала я, краем глаза наблюдая, как шумная компания с детьми поднимается с мест и отправляется куда-то дальше наслаждаться погожим днем. Освободившийся столик тут же занял господин в темных очках, устроившись прочно и, судя по всему, надолго. Ну, вот и ответ, отчего он здесь застрял – просто ожидал места. Остается, правда, вопрос, как могло произойти, что я натыкаюсь на него два дня подряд – Петербург многомиллионный город, и случайные встречи возможны разве что между жителями одного квартала. Впрочем, Крестовский и Петроградский острова находятся рядом... Так или иначе, я перестала коситься в его сторону, снова прислушавшись к голосу Марьяны.

– ...Все дело именно в рыцарских идеях! Павел с детства находился под очарованием красоты рыцарских обрядов, с его стола не сходила книга аббата Верто, огромный иллюстрированный том. А любимым романом у него был «Дон Кихот» Сервантеса... Павла часто называют российским Гамлетом, это сравнение стало общим местом – якобы Павел принял роль умалишенного, чтобы уцелеть при дворе матери, узурпировавшей трон, вдобавок косвенно

виновной в смерти отца. Но... его скорее можно назвать Дон Кихотом на троне. И вот этот странный, непонятый, даже чудаковатый Дон Кихот искал свою Дульсинею.

– Почему вы так думаете? – довольно бестактно брякнула я, прервав горячие излияния своей негласной опекуни. Каюсь, я сделала это скорее потому, что Марьяна в пылу увлечения заметно повысила голос, а мне отчего-то не хотелось, чтобы господин в очках оказался в курсе нашей беседы. К счастью, Марьяна не обиделась, а только заговорила тише, приблизившись к моему лицу.

– Потому что считал себя рыцарем! Потому что стал им на самом деле! Едва ли не первое, что Павел сделал, получив императорский трон, еще до коронации, буквально через месяц после смерти матери, он уже принял посланцев от ордена иоаннитов. Рыцарям пришлось оставить Мальту, и они обратились с просьбой дать ордену пристанище... Надо сказать, что орден не сразу перебрался в Россию. Вначале шла речь только о подписании конвенции об установлении командорства, говоря современным языком, что-то вроде филиала ордена на территории России. Был еще торжественный въезд посла ордена, графа Литта, об этом есть много воспоминаний, зрелище получилось грандиозное, почти театральное. Павлу на аудиенции в Зимнем дворце были преподнесены дары от иоаннитов и вручены верительные грамоты с просьбой стать покровителем ордена... – Марьяна заметно выдохлась и, словно возвращаясь в реальность, помешала ложечкой в креманке с растаявшим мороженым. – Разошлась, как на заседании кафедры... Зачем я несу без устали всем известные факты? Все знают, что Павел стал гроссмейстером ордена, принял посвящение в рыцари, ну, и так далее...

Кстати, тебе не кажется, что вон тот молодой человек не сводит с тебя глаз? Во-он там, позади тебя – она показала в его сторону, не поворачивая головы. – Я его еще раньше заметила. Вот помяни мое слово, если бы меня с тобой рядом не было, сидел бы он сейчас на моем месте. Чего ты морщишься? Вполне приличный молодой человек. Ухоженный, часы, кажется, дорогие... Нет, что тебе не нравится? Или у тебя кто-то появился?

Я решительно помотала головой, соображая, говорить ли о вчерашнем происшествии. Вот именно: происшествии, которого не было. Марьяна мое молчание поняла по-своему:

– Тебя смущает, что он постарше? Ну да, он примерно как мой сын, ему за тридцать пять, может, чуть больше. Но зато фигура какая! И от природы хорошо сложен, и следит за собой, явно фитнесом не пренебрегает. Думаешь, если даме за... – она пошевелила пальцами, подняв руку в кружевном рукаве – то и мужчин она перестает видеть? Не тут-то было! Глаза как раз и остаются! – она засмеялась, став похожа на себя, какой я всегда ее помнила. – Разрешить спросить, моя дорогая, как вы сейчас знакомитесь? Как-нибудь по интернету?

Я замялась, молниеносно перебрав в голове мои немногочисленные попытки знакомства через социальные сети. Должно быть, виной моих неудач было то странное обстоятельство, что на фотографиях я выгляжу небольшой и даже худенькой, каковую девицу и рассчитывают увидеть молодые люди, приехавшие на свидание. А перед ними является вот такая вот «девушка с веслом»! Вслух я произнесла:

– По всякому... У кого-то и так. А... Павел действительно стал рыцарем? – вопрос этот уводил Марьяну от малопривлекательной темы.

– Разумеется! А вскоре даже гроссмейстером ордена иоаннитов. Интереснейшая, кстати, ситуация – Марьяна охотно вернулась к тому, ради чего она меня вытащила в парк. – В одном лице объединились российский император, православный и женатый человек, и глава католического рыцарского и монашеского ордена. Каждая ипостась отвергает другую!

Но Павел Петрович поступил решительно: при дворе стало известно, что супружеские отношения между ним и императрицей прекращены. Якобы по предписаниям доктора, «ввиду слабого здоровья ее величества». Большого удивления эта новость не вызвала, тем более что Мария Федоровна родила десятерых детей. Так что свои обязанности перед династией эта супружеская пара выполнила. И перевыполнила! – Марьяна улыбнулась, добавив совсем дру-

гим тоном – Вот не думала, что такие клише из времен «развитого социализма» могут выскочить из подсознания...

Она огляделась, вздохнув, и в очередной раз посмотрела на господина в бейсболке, мирно потягивающего что-то прохладительное. Пригнувшись ко мне, продолжила доверительно:

– Кстати, Павел был не единственным «женатым монахом» – есть куда более романтическая история. Граф Джулио Литта, балы и посланец ордена, вручавший Павлу дары, красавец, командир военного корабля, влюбился в графиню Скавронскую, молодую вдову русского посланника в Неаполе. Согласие на брак рыцаря ордена иоаннитов давал папа римский, причем по ходатайству самого Павла Петровича. Злые языки утверждают, что не последнюю роль здесь сыграло колоссальное состояние Екатерины Скавронской. Она уже была богата, выходя замуж, потому что приданое за ней давал дядя, тот самый, знаменитый Потемкин. А уж после смерти мужа она стала одной из богатейших женщин в Европе.. Нет, романтическую сторону я не берусь отрицать, пара была красивейшая... Но... Мне не дает покоя то обстоятельство, что граф Джулио, или, как его звали в России, Юлий Помпеевич, был близок к иезуитам. И его успехи при русском дворе совпали с продвижением аббата Грубера! А уж он-то был иезуит явный и высокопоставленный.

– Подождите, а эти-то при чем?

– Видишь ли, девочка, тут такие дебри начинаются... Не буду мучить тебя точными датами и пространными фактами – сейчас, если интересно, все можно найти в сети в один клик. Екатерина, мать Павла Петровича, дала приют ордену иезуитов на территории России. Это уже после того, как папа римский объявил об уничтожении ордена Иисуса. Но дальше Полоцка она их не пустила – дескать, пусть сидят на окраине империи и занимаются образованием. Это у них всегда было хорошо поставлено, вот и Литта у них учился. А уже при Павле аббат Гавриил Грубер смог подобраться к самому императорскому семейству, причем в самой доверительной форме. И началось все с лечения зубной боли! Что уж там за лекарство давал этот иезуит императрице, но приобрел доверие самое полное. Между прочим, впоследствии этот аббат стал главой ордена, генералом, как у них называлось. И среди иоаннитов, говорят, имелось множество скрытых иезуитов.

– Иоанниты – это и есть Мальтийский орден? – решила я прервать поток красноречия моей бывшей преподавательницы истории.

– Они самые – охотно отозвалась Марьяна. – Прости, совсем я тебя заболтала. – Но на Мальту они уже никогда не возвращались. Это отдельная тема, и очень интересная, потому что история Мальтийского ордена не окончена, он и сейчас существует.

Я помолчала, переваривая услышанное, и задала вопрос, который меня мучил еще со вчерашнего дня:

– А те Потурины, о которых вы пишете... Все-таки... Отчего вы связываете их с нашей семьей? Фамилия-то другая!

– Ну, фамилии иногда искажаются со временем... Или даже заведомо даются измененные, в усеченном виде или в виде анаграммы. Так было принято в дворянской среде, если хотели дать имя ребенку, рожденному вне брака. Примеров тьма: побочный сын Трубецкого назывался Бецкой, князя Гагарина – Гарин, или же вот: Чарнолужский – Луначарский. Если бы удалось разыскать церковные записи, вот это была бы находка! Расспроси отца, вдруг он знает, в каком месте жили его предки.

– Попробую... А как вы связываете ту девушку, Ираиду, с Кутайсовым, и почему считаете, будто Павел мог обратить на нее внимание?

– Да как раз поэтому! – едва не подскочила на месте Марьяна. – Тут прямо мистика какая-то! Стоит мне сделать предположение, даже самое смелое, как оно тут же находит подтверждение, да как стройно все выстраивается! Только вчера мы с тобой поговорили о том,

что Ираида Потурина вполне может находиться в родстве с тобой, пусть и в самом отдаленном времени, как ты находишь это кольцо! Это не знаю что!

Марьяна снова так повысила голос, что мы обе испуганно огляделись по сторонам. Но никто к нашему разговору явного интереса не проявил, и моя темпераментная собеседница едва ли не зашептала:

– Давай разложим по полочкам... Первое: Павел наследует императорскую власть. Сразу же принимает посланцев Мальтийского ордена и обещает им всяческую поддержку. И не только обещает, но и действует. Второе: получает дары, среди которых даже такая ценность, как частица десницы Иоанна Крестителя, покровителя ордена. Российский император носит мальтийские регалии с гордостью, совершает множество рыцарских обрядов, как над собой, так и над членами своей семьи. Третье: объявляет, что намерен заниматься, как он говорит, «улучшением нравов», на деле – бороться с коррупцией, с воровством, бездействием должностных лиц... Инструментом для этого улучшения он выбирает насаждение рыцарских нравов, везде, где только можно. Что у нас дальше? Четвертое – Марьяна прижала пальцы к ладони, запальчиво продолжая, – сам следует правилам рыцарско-монашеского ордена. Он прерывает свою интимную жизнь, вводит суровый распорядок дня и для себя, и для всех должностных лиц. В годы его правления присутственные места должны были открываться в шесть часов утра.

И пятое – уже успокаиваясь, моя опекунша сжала кулачок – и для нас главное – ищет объект для рыцарского поклонения. Все сходится!

– А это ему зачем? – задала я вполне резонный вопрос.

– Ну, как же! Разве непонятно!.. Нет, если спрашиваешь, значит, нужно объяснять... Рыцарство как понятие существовало многие сотни лет, и успело обрасти целыми гроздьями представлений, мифологии, обычаев... Рыцарская литература в виде романов и стихотворных произведений существовала параллельно реальной жизни, но за долгие столетия просто вросла в сознание людей. Считалось, что всякий мало-мальски уважающий себя рыцарь непременно должен иметь даму сердца, которой посвящаются все его подвиги. Причем сама дама вполне может быть замужем за кем-то другим, потому что такое служение не предполагает банальных ухаживаний с целью завести семью или просто любовную интрижку. Не знаю, как было на самом деле, но в рыцарской литературе дела обстоят именно так.

Что касается самого Павла Петровича, то он давно и настойчиво разделял отношения с женщинами на плотские и духовные. Пример этому – его многолетняя связь с фрейлиной Нелидовой. Как бы ни злословили на их счет, все документы – письма, дневники сведущих людей подтверждают, что огромное влияние, которое имела на государя Нелидова, основывалось все-таки на общности интересов, дружбе и доверии.

Но как раз в то время, о котором я пишу, их отношения разладились. Скорее всего, причина была банальная: Павлу Петровичу какие-то доброты стали внушать, будто ходят слухи о том, что он склонен принимать решения под влиянием императрицы и Нелидовой. Павел оттолкнул от себя этих близких ему женщин, но в одиночестве очень страдал. Ему непременно нужно было с кем-то делиться, перед кем-то изливать душу, «открывать глубины сердца», по его выражению.

Кутайсов знал о таких желаниях друга детства. Но у Ивана Павловича были и свои соображения: как раз в это время иезуиты во главе с аббатом Грубером добились огромных успехов. Кутайсова почти вытеснили из круга общения императора, и Иван Павлович делал все, чтобы вернуть себе прежнее влияние. Оттого он взял на себя посредничество между Павлом и семьей Потуриных. Надо думать, что Кутайсов все-таки рассчитывал, что благодарная девица замолвит при случае словечко и за него. Потому что Грубер был противник самый серьезный, хотя бы в силу своей образованности. Аббат слыл специалистом в гидравлике, математике, музыке, медицине, живописи... В общем, ходячая энциклопедия!

Похоже, Кутайсов проиграл Груберу в войне за влияние на императора, и как раз оттого, что Ираида Потурина не успела стать официальной фавориткой Павла. После того, как она пропала, ее разыскивали довольно ретиво, но без успеха. Император постепенно охладел к ней... ведь неизвестно, как ему преподнесли исчезновение девушки, что при этом нащептали.

А Кутайсов не сдался! Через некоторое время Павел, опять-таки при посредничестве Кутайсова, познакомился с Анной Лопухиной, и здесь медлить не стал! Сразу осыпал ее семью благодеяниями, и вообще поклонялся ей открыто. Сделал ее камер-фрейлиной, а потом и кавалерственной дамой святого Иоанна Иерусалимского. Даже назвал военный корабль ее именем.

– Он назвал корабль «Анна»?

– Нет, «Благодать», это буквальный перевод имени. А вскоре выдал замуж за человека, который ей понравился – все это совпадает с тем, о чем мы говорили. Жаль, что ее семейная жизнь не сложилась. После убийства Павла муж показал себя не с лучшей стороны, и Анна умерла через несколько лет, совсем молодой. Вот еще немного, и ты тоже зачахнешь во цвете лет.

Я не сразу поняла, что это относится ко мне, потому что сказала Марьяна это, не переменяя тона и на одном дыхании.

– Я тебя совсем замучила своей лекцией! А меня просто несет, но ты должна меня извинить... Столько месяцев подряд жить событиями «давно минувших дней»! Я тебе очень благодарна, что выслушала меня. Надо и честь знать. Если я правильно помню, вот за этой аллеей есть короткая дорожка к автобусным остановкам. Что-то мне в метро спускаться не хочется. Сяду-ка я на двадцать пятый номер и поеду домой, пока час пик не начался. Пусть дольше, но зато не толкаться в подземке. А ты куда?

– Провожу вас. Мне тоже пора... – я уже вставала, подхватывая сумку, но Марьяна решительно нажала на мое плечо и шепнула на ухо:

– Не вздумай... оставайся... вот увидишь, сейчас он к тебе подсядет... ну пожалуйста... А завтра приходи с утра, я тебе устрою встречу с очень полезным человеком... Будет интересно, не пожалеешь!

Глава пятая *Attakka poi moderato assai* (сразу, без перерыва, затем успокаиваясь)

Марьяна подхватила сумку и скрылась, не оглядываясь, свернув влево на повороте аллеи. Я тоже ухватилась за «Аскольдову могилу» и с полминуты рылась в ней, изображая, будто разыскиваю нечто невероятно нужное. Решившись, посмотрела прямо на своего преследователя. Он развернулся в мою сторону и снял очки, показав в улыбке отбеленные зубы. Я разглядывала его с чувством тревоги и тайного сожаления. Сожаления, что мелкие черты его лица никак не напоминали те, крупные, с детства знакомые, резкие и неправильные, но такие колоритные. А у этого нос был маленький и ровненький, лицо аккуратно-соразмерное. Словно уловив исходящую от меня неприязненную волну, он перестал улыбаться, слегка поклонившись, не вставая с места. Я строго приказала себе не поддаваться нахлынувшей тревоге, но не послушалась своего приказа. Что ему надо? Ни за что не поверю, будто я могу привлечь его своей ничем не выдающейся внешностью и полным отсутствием гламура.

Немая сцена затягивалась, и мой визави, похоже, решил подтолкнуть ситуацию. Он снова улыбнулся ленивой, как показалось, снисходительной улыбкой, и не торопясь подмигнул, поднимаясь со своего кресла. Я подскочила как ужаленная, и едва не бегом устремила в ту же сторону, что и Марьяна. Ее уже не было за поворотом, и я понеслась не оглядываясь примерно в ту сторону, где по моим расчетам мог быть ближайший выход из парка. Кажется, вот сюда надо свернуть... Нет, это дорога назад, к аттракционам. Тогда сюда, в эту узенькую аллею. Что-то не то! Не может быть так тесно... Дорожка повернула под прямым углом, и через несколько метров снова развернулась, заведя в тупик.

Теперь я испугалась по-настоящему. По сторонам от меня плотной стеной зеленели аккуратно подстриженные ветви какого-то кустарника, поднимаясь в высоту метра под два. Дорожка, посыпанная крупным красноватым песком, вывела меня к новому повороту, затем еще и еще, и снова закончилась тупиком. Густые заросли глушили звуки, доносящиеся извне, и высокие шеренги кустов создавали плотную тень, словно солнце уже закатилось и наступила тусклая белесая ночь. Лабиринт. Это лабиринт, мы когда-то с компанией одноклассников забрели сюда и весело провели с полчаса, переключаясь и смеясь. Но сейчас мне было не до смеха. В мои планы никак не входило протолкаться в изгибах и переходах ландшафтной архитектуры даже и пяти минут, тем более что с того прошлого посещения минуло не знаю сколько лет, и зеленые стены выросли в высоту раза в полтора.

Я остановилась, пытаюсь сориентироваться, и стараюсь не прислушиваться к звонким ударам сердца, которое испуганно молотилось обо что-то там внутри. Спокойно! Спокойно... – пыталась приказать я себе, и мне это почти удалось, но тут же скорее почувствовала, чем услышала, что рядом кто-то есть. Этот «кто-то» стоял совсем близко, рядом, надо думать, за зеленой стеной, и дышал неправдоподобно громко. Я, стараясь ничем не зашуршать, присела, изогнувшись до земли, усыпанной крупной красной крошкой, и заглянула в просветы между стволов у самых корней. Мне стали видны поношенные мужские туфли с квадратными носками, какие носили лет десять назад, и низки черных мятых и затасканных брюк. Это никак не мог быть мой недавний наблюдатель – тот был в шортах и мокасынах на голых загорелых ногах.

Это хорошо или плохо? – пыталась сообразить я, почти не дыша и все так же замерев, не разгибаясь. Почему бы случайному отдыхающему не забрести в укромное место, хотя бы по ошибке? Я уже совсем решила обозначить свое присутствие и сделать вид, что вовсе не испугана, как услышала телефонный звонок, причем не из моей сумки. Человек в черных туфлях заговорил, отвечая кому-то:

– Да нету ее... Тут можно до вечера блукать... Точно, что выход один? Ну, ладно, найду – шугану, пускай на тебя бежит...

Голос совершенно незнакомый, глухой, грубый, говорит медленно, словно с трудом.

Зашуршал песок, туфли под жеваными брюками двинулись по соседней дорожке, медленно и осторожно. Я зажмурилась от ужаса, представив, что в моем тупичке сейчас появится этот кто-то, судя по голосу, невероятно страшный. Но шаги стихли, удаляясь, и я с трудом, толчками, выдохнула и распрямилась. Удары сердца теперь раздавались во всем теле, с головы до ног, а еще точнее, в ногах сильнее всего: «Сердце в пятки ушло», оказывается, здесь нет преувеличения.

В любом положении должен быть выход, выход... Где он, этот выход!? Стоп, не надо выход! Там меня ждет... не знаю кто, но ждет, и будет он непременно страшнее того, в черных туфлях, иначе с какой стати он отдавал ему указания? Из лабиринта действительно только один выход, и мне туда никак нельзя... Что делать?! Лезть через верх? Невозможно, высоко, заросли невероятно густые... Понятия не имею, как они называются, эти кусты, да и какая мне разница, если через них даже руки не просунуть, не ободравшись? И куда лезть, в какую сторону, рискуя еще скорее наткнуться на того, кто меня разыскивает. И зачем, спрашивается? Что с меня взять?..

Как что? А конверт с долларами, который мне вручила Марьяна? Откуда им знать? Да неважно, откуда, главное удирать надо, только как? Я заметалась на коротеньком отрезке тупичка, не решаясь повернуть за угол, и сначала не расслышала толком. Музыка доносилась издалека, потом все громче, очень знакомая, и слышанная не далее как сегодня. Паровозик! Тот, который детей катает! Я бухнулась на колени, и, едва не прижавшись щекой к влажному песку, заглянула в просветы над корнями кустов в том направлении, откуда слышались звуки. Вот он, расписной, фанерный, с тремя вагончиками... Но увидела я не только его. Снизу стало заметно, что в том месте, где я застряла, почва имеет углубление, и весной тут, должно быть, подолгу стоит вода, а стволы кустов немного оголились и поредели снизу. И главное: от меня до края проклятого лабиринта всего два ряда зеленых стен. Но пролезть между ними нереально, не содрав кожу, или еще хуже, не застряв, зацепившись одеждой или волосами. Я в отчаянии попыталась стукнуть кулаком по земле, но у меня не вышло: в этой самой руке у меня была зажата ручка моей неизменной сумки.

Выручай, «Аскольдова могила»! Трясущимися руками я рассовала все, что могло поместиться, по карманам джинсовой куртки: мобильник, деньги, ключи, еще что-то. В сумке осталась только подаренная Марьяной книга и листы с распечаткой главы ее романа. Просунув голову и руки в плотный мешок безразмерной «могилы», я с решимостью отчаяния рванулась через кусты, стараясь держаться как можно ближе к земле, и одна из стен пропустила меня. Упав на четвереньки, ничего не видя, только поправив мешок на голове и руках, судорожно вдохнув, словно перед тем, как нырнуть в воду, снова бросилась через зеленую стену. Содрав с головы сумку, я увидела хвост паровозика, и припустила за ним с такой скоростью, с какой не бегала ни разу в жизни.

Мне удалось вскочить на подножку последнего вагона, и он безмятежно повез своих званных и незванных пассажиров в сторону аттракционов. Через несколько секунд я смогла рассмотреть, что на меня с ужасом уставился маленький мальчик, вцепившись в руку своей мамы. Я попыталась изобразить веселую улыбку, чтобы не напугать бедного малыша окончательно, но взгляд его мамы, красивой девушки примерно одних лет со мной, заставил меня прыгнуть на ближайшем повороте. Чего было больше в этом взгляде, опаски или презрения, я не пыталась определить. Но этих нескольких минут хватило, чтобы скрыться от места моего спасения на приличное расстояние.

Я остановилась, беспрестанно оглядываясь, и попыталась привести себя в порядок. Снова затряслись руки, уже вдогонку пережитому страху, когда я принялась засовывать обратно

в сумку вещи из карманов куртки. Удивительное дело, «Аскольдова могила» осталась цела, только чуть поцарапалась ветвями, а вот джинсовая белая куртка пострадала изрядно: на обоих рукавах появились длинные рваные полосы. Кое-как пригладив волосы, я торопливо принялась оттирать грязные колени. Но как бы я ни была поглощена этим занятием, зорко следить за окружением не переставала. Закончив отряхиваться, я еще раз убедилась, что отделалась минимальными потерями.

И скорее домой, хватит на сегодня беготни и потрясений. Причем на автобусе, иначе в метро я сойду с ума, подозревая всех и каждого в нехорошем интересе к моей персоне. Вот ведь незадача! Много лет я потихоньку страдала от недостатка этого самого внимания, а теперь рада сбежать от него на край света! Дождавшись на конечной остановке, когда двери отходящего автобуса вот-вот закроются, я влетела в него, не реагируя на негодование кондукторши. Зато в раскалившемся салоне сидело всего несколько пассажиров, и те весьма почтенного возраста. Некоторое время я еще вертела головой, разглядывая проезжающие машины, но потом устыдилась – так и до паранойи недалеко. Но вышла я, не доезжая до дома, и не потому, что боялась слезки, а просто в конце рабочего дня начали скапливаться пробки, и транспорт еле двигался, готовясь втиснуться в узкое горлышко мостов.

Я шла по нагретому асфальту, обгоняя машины, и в голове моей назойливо звучала музыка из «Спящей красавицы». В Диснеевском мультике под этот фрагмент две феи, размахивая волшебными палочками, превращают цвет платья принцессы то в голубой, то в розовый. Тема эта одновременно и веселая, и тревожная. Настроение мое тоже сменилось, причем на тревожное, стоило мне представить, как я сейчас войду в непомерно высокий вестибюль дома, где живу, и за мной с тяжелым стуком закроются входные двери. Наступит тишина, и шаги по двухцветным плиткам пола, даже самые легкие, станут отдаваться эхом под сводами дореволюционной постройки. Поежившись, я топталась перед дверью нашего парадного, пока на свое счастье не увидела бабульку из соседней квартиры. Она всегда смотрит на мир добрейшими глазами, огромными из-за сильных очков, и, по-моему, никого не узнает. Я рванулась к ней с искренней радостью, втащила её пакеты в лифт, и потом проводила до дверей.

В нашем коридоре было тихо и темно, только чуть пробивался свет с кухни на другом его конце. Многокарповна сидела у себя в комнате, судя по приглушенному звуку телевизора, и на мой приход никак не прореагировала. А посередине моего кухонного стола красовалась все та же банка кофе. Стало быть, вчерашний сыр-бор разгорелся вовсе не из-за нее? Ну что ж, спасибо и за это, но в логике крепко пьющих людей я точно не разбираюсь.

Насыпав кофе из подаренной банки в кружку, залив его кипятком и наскоро соорудив бутерброд со свежим огурцом, я размышляла, удастся ли мне вернуть к жизни мою старую-престарую джинсовую куртку? Вещей у меня немного, а летних и того меньше. Решено: если отстираются земляные и зеленые пятна, возьму ее с собой в Ригу. Лето в Прибалтике особой жарой не отличается, как и в Питере, и наступившее тепло может оказаться единственным за весь сезон.

Собирая и укладывая вещи, я боролась с искушением позвонить Фильке, чтобы расспросить о вчерашнем молодом человеке. Вместо этого я застыла перед портретом, в тысячный раз перебирая все детали.

Лицо, словно освещенное факелами, узкое, с пристальным взглядом, толстыми, немного презрительными губами над кружевным воротником. Герцог из семьи Медичи. Кого сразу вспоминаешь, называя эту фамилию? Великолепных покровителей искусства или отравительницу Екатерину у Дюма? Столько всего смешалось в представлениях, а еще больше путаницы на самом деле: люди в ту эпоху умудрялись одновременно быть образованными и зверски жестокими, невероятно талантливыми и стать при этом вероломными предателями. Каким был вот этот, изображенный на портрете герцог, кого любил, кого ненавидел, с кем воевал? Но какое дело мне до того, какую провинцию он мог присоединить или потерять? Главное, что

мы никогда не встретимся. Между нами несколько веков... или несколько миллионов людей, что почти одно и то же. Ну, видела я вчера мельком лицо, показавшееся мне таким знакомым, и что? Не буду я звонить Фелиции, не стану беречь себя несбыточными мечтами. Просто этот молодой человек удивился – куда подевалась девица в потрепанных тапках, так не соответствующих роскошному интерьеру заведения, которая мало того, что пролезла без очереди в кабинет, да еще и пропала из этого самого кабинета?

С треском задернув шторы, я расстелила диван и улеглась, положив под рукой остаток страниц, отпечатанных на принтере. Уснуть быстро не удастся, это очевидно, но надо попытаться полежать с закрытыми глазами, прошлой ночью поспать пришлось немного. Услужливая память тут же развернула вереницу лиц, мелькавших передо мной весь этот непростой день. Тощенький промоутер с пачкой рекламных листовок, лицо тетки в ломбарде, густо покрытое лоснящимся тональным кремом, трясущееся от ненависти, виноватый вид охранника... Торжествующая Марьяна, несущаяся по улице в комнатных туфлях так, что полы плаща развеваются как крылья... Неподвижно и терпеливо чего-то ждущий человек в бейсболке и темных очках... Мог ли он быть тем, кто отдавал приказания на мобильник явно побитому жизнью мужичку в старомодных туфлях? Нет, их невозможно представить вместе, что у них общего? Рядом с тем, в очках, легче всего вообразить девушку модельного вида, или даже не одну, и таких же выхоленных мужчин без возраста. Всего на мгновение он снял очки, и от его взгляда мне стало не по себе. Я почувствовала себя букашкой или мошкой, прищипленной булавкой и помещенной под стекло.

А мошки с букашками закружились, то плотным роем, то словно разносимые ветром, потом, приглядевшись, я рассмотрела, что это не букашки, а все те же цветные огоньки. И я поднимаюсь все выше и выше, и вижу четкий рисунок с графически-точными линиями, которые изгибаются под прямым углом и обрываются в самых неожиданных местах. И между этими зелеными линеечками движутся крохотные точки, бестолково перемещаясь вслепую, не видя выхода. Одна из точек белая, точнее, в старой белой джинсовой курточке. И выход есть, но там стоит фея Карабос, с лицом, перечеркнутым нарисованными морщинами. Она поворачивается, и ее высокий белый стоячий воротник растопыривается в стороны, по испанской моде. Нет, это не фея, это все тот же герцог, на нем всегдашний колет из темной парчи, а ниже джинсы, разодранные на коленях. И музыка, тревожная, взволнованная, и громкость ее то нарастает, то затихает, и темп беспрестанно меняется, словно музыку носит ветром, как и бесчисленных мошек... Или цветные огоньки...

Да что ж такое! Я села на диване, дрожащими руками собирая рассыпавшиеся листы рукописи. Я что, уснула? И опять такой же дурацкий сон? Никогда за мной такого не водилось... Кошмаром его не назовешь, но сердце колотится, как... Как сегодня в парке. Вот и объяснение: сонное сознание перемальвает события прошедшего дня. А причем тут фея Карабос? Да все при том же – музыка, что звучала у меня в голове, из балета «Спящая красавица», а фрагментов оттуда я сегодня наслушалась благодаря крикливому паровозу в парке. Правда, этого фрагмента там не было. Страшненькая музыка, из сцены, где эта самая фея Карабос произносит проклятие. Малышей под такое развлекать не станешь... Но все равно рациональное объяснение моему сну есть – я-то балет не раз видела целиком, а на музыкальную память мне грех жаловаться, это же не номера машин и телефонов... Фея Карабос... Эту балетную партию по традиции исполняют мужчины, и оттого получается она еще более зловещей. Есть разные постановки, но особенно впечатляет, когда она (то бишь он) становится на пуанты, словно вырастает, и длинный плащ, как крылья... Хватит! Хватит себя пугать, иначе стану бояться засыпать. Что там дальше в книжке у Марьяны с этой девушкой?

«Кучер спрыгнул с козел, открыл дверцу, опустил подножку; глухо сказал, не поднимая головы (лица под треугольной шляпой не разглядеть): «Ежели желаете, можете пройтись,

сударыня... Коней напоить требуется». Ираида спустилась со ступенек, опираясь на поданную под плащом руку, огляделась. Площадь с фонтанчиком-поилкой, вокруг небольшие домишки казенного вида, мостовая мелким булыжником выложена. Ни души вокруг, и то, почти темно уже. Прошлась немного. Спросить бы, какое это местечко, да кучер уж больно неразговорчив, видно, приказание такое имеет. Обернувшись, испугалась, чуть не столкнувшись с кем-то. Пригляделась – баба, не старая, чисто одетая, с какой-то ношей, не то корзинкой, не то узелком на локте. Ступает неслышно, должно быть, в лаптях, или мягких башмаках. Баба степенно поклонилась, пошла дальше, не торопясь, но ходко. Кричать ей вслед, спрашивать, где находится, Ираида постыдилась.

Кони пофыркивали, помахивали хвостами, отдыхали. Сколько уже за последние месяцы таких остановок было, не сосчитать. Сначала из родных мест в дядюшкину деревню, потом множество раз в Москву наезжали, потом в Петербург больше недели ехали. И на каждой остановке, пока кони пьют или кормятся, выходила осмотреться. Уж и привыкнуть можно! Но нет, чего себя обманывать, никогда еще так тревога не чувствовалась... Кучер поправил сбрую, подошел к дверце, нагнулся в поклоне. Ираида, одной рукой придерживая подол платья, оперлась на поданную руку и обмерла: белая, гладкая, совсем не кучерская, господская рука! Впорхнула в карету, забилась вглубь, стараясь своего испуга не показать.

Под возобновившийся стук колес пыталась собраться с мыслями. Получалось это плохо. Подумывала даже о том, чтобы выпрыгнуть на ходу и помчаться, куда глаза глядят! Нет, так нельзя. Надо думать о том, что сегодня, как и в прошлый раз, ничего страшного не случится. Тогда тоже ехала одна, хотя было это днем, и, кажется, не так долго. От Павла Петровича загодя привезли записку с приглашением прибыть «на тихую уединенную беседу на лоне природы с лицом, преданным прекрасной даме». Точнее, подписи не было, как не было ее всегда, в конце записок обычно стояло: «Ваш навеки преданный друг». Но на печати ясно виднелась буква «П» с короной. Произошло это вскоре после переезда в столицу, сразу, как въехали в дом, предоставленный для проживания их семейству. Дом оказался непривычно велик, в два этажа и еще мезонин наверху. Позади обширного строения службы, конюшни, жилой флигель. Место тихое, почти уединенное, от оживленных городских улиц вдалеке. Оно и к лучшему, с непривычки переносить непрерывный городской шум трудно – от одних карет, по мощеным улицам грохочущим, спасу нет, да еще извозчики проходящих разгоняют, не только голосом, но и бичами шелкают, страх, да и только! А на улочках, где кареты редкость, тоже тишины нет – то разносчики кричат, товар свой предлагают – нахваливают, то водовозы ездят со своими бочками, город-то огромный, ведрами воды не натаскаешь, то дрова пиленные и колотые, то возы с сеном. Матушка, Дарья Петровна, только вздыхала горестно, головой качая да платочек к носу поднося – с непривычки и воздух городской тяжким казался. Лето еще не закончилось, а печи топятся, как же без них пищу готовить, да от лошадиного навозу мух множество, а главное, людей-то, людей! Москву проезжали из конца в конец – там тише, спокойнее, дома подальше друг от друга стоят, много и со своими садами, даже с огородами, прямо в городе. А здесь, в столице, громадные строения друг на дружку лезут, свет Божий застыт. Но, по счастью, на таких улицах не остановились, дальше поехали. Все тише и тише становилось, деревьев побольше, воздух почище. Наконец остановились, вышли, осмотрелись. Пока дворовые не начали кладь отвязывать и разгружать, вошли в дом вчетвером. Впереди батюшка с матушкой, за ними дочери. Пахнуло изнутри нежилым, застоявшимся духом, хотя и проветривали, и протапливали от сырости, но, видно, не очень ретиво – известно, челядь без господского глазу сильно не старается. Стали дом изнутри осматривать. Устроен он был богато, на две половины – отдельно для мужа и для жены. Комнаты не пусты стояли, много от прежних хозяев мебели остались. Батюшка сказывал, что дом этот раньше одному из вельмож, к престолу близкому при прежнем царствовании, принадлежал. При нынешнем государе в опалу попал, мно-

гое из имущества в казну перешло, в том числе и этот дом. А из казны Сергею Тимофеевичу позволено было его выкупить «со всеми прилежащими службами, строениями и садом».

Девушки сперва робели, а как родители отошли распорядиться, осмелели, по длинным рядам комнат бегать взапуски затеялись. Ночевать расположились не как прежде, когда жили в маленькой светелке вдвоем, да еще и старая нянька на сундуке спала, а отдельно и просторно. Каждой сестре не только спальную комнату выделили, а еще и гардеробную, и – роскошь невиданная – будуар, что означало комнату парадную, но только для близких друзей и гостей и прочего приятного времяпрепровождения. Прислугу вызывать звонком положено, хотя горничная девушка всегда рядом была, в гардеробной себе спать стелила.

Гости с первого дня ездить начали, невзирая на отдаленность – видно, Сергей Тимофеевич в самом деле важный пост получил. Но удивительней всего, одним из первых примчался поздравить с новосельем граф Вацлав Феликсович. Когда доложили о его приезде, Зинаида просияла, как ясно солнышко, а батюшка отчего-то помрачнел. Спросил, какими судьбами в Петербурге. Граф, не смущаясь, любезно пояснил, что в столицу приехал по делам службы и пробудет здесь достаточно долго.

Сестры между собой меньше стали общаться, еще до переезда отделились. И сейчас Ираида больше времени у себя в комнатах проводила, а младшая сестра ко всем гостям выходила, весела была, как никогда. Появились и другие молодые люди, все светские, обходительные, в большинстве своем знакомые графа Нежегольского. Сам Вацлав Феликсович бывал почти ежедневно, привозил маленькие подарки и свежие новости. Получала подарки и Ираида, все также с посыльными, и наконец, примерно через неделю после приезда, пришла и та самая записка. Назначено было собраться «на тихую уединенную беседу» к полудню, коляска была прислана к этому времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.